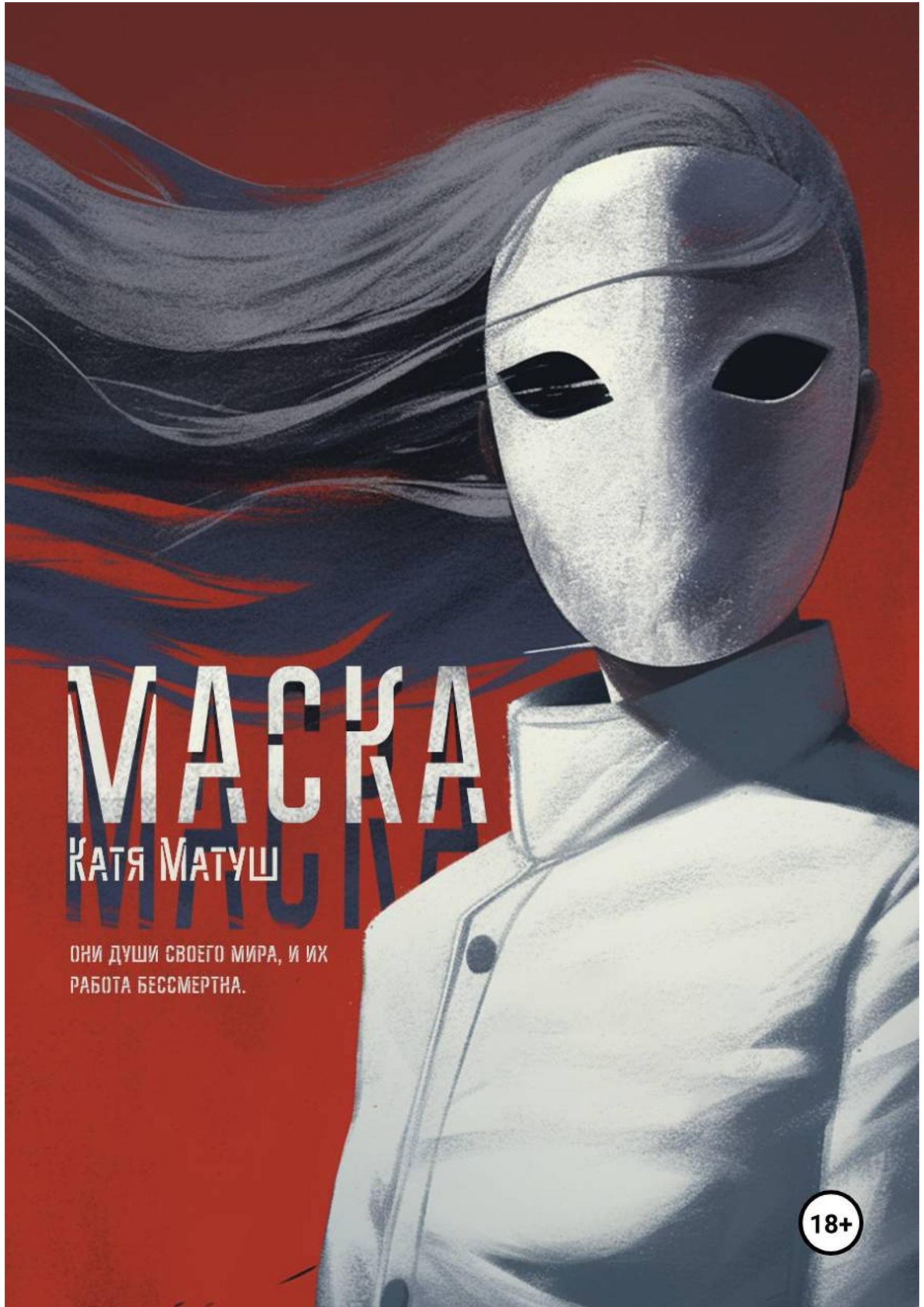

МАСКА

КАТЯ МАТУШ

ОНИ ДУШИ СВОЕГО МИРА, И ИХ
РАБОТА БЕССМЕРТНА.

18+

Катя Матуш

Маска | Утопия

«Автор»

2026

Матуш К.

Маска | Утопия / К. Матуш — «Автор», 2026

Четыреста лет Гиперборея живет без запретов, войн, тяжелых болезней, нищеты и убийств. Ее благополучие охраняют пятьдесят генетически совершенных правителей без имен, семей и лиц. Но когда глава отдела общественных настроений пытается выяснить, почему граждане идеальной страны перестали быть счастливыми, она обнаруживает: главная жертва утопии — не ее народ, а те, кого воспитали ею управлять.

© Матуш К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	34
Глава 9	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Катя Матуш

Маска | Утопия

Глава 1

Шаттл набирал высоту: быстро, легко, беззвучно. Уже давно люди летали так естественно, как до них ни одно живое существо. А еще, говорят, они научились этому у птиц.

Врут.

Маска отвлеклась от иллюминатора и прикрыла глаза, но датчик заряда продолжал подавать сигналы и сквозь плотно сомкнутые веки. Стоило аккумулятору сесть до пяти процентов, как этот маленький красный индикатор загорался у нее в мозгу. В последнее время Маска видела его слишком часто, но привыкнуть к назойливым напоминаниям системы так и не смогла. Ей нужно успокоиться и не совершать лишних движений, чтобы дотянуть на остатках заряда до дома, а этот проклятый датчик только сильнее ее нервировал.

И когда она в последний раз разоблачалась?

Съезд Совета всегда лишал Маску сна, но еще никогда – так надолго. Семь дней – целая вечность, которой в итоге все равно оказалось недостаточно. Теперь от одной мысли, что Совет сочтет ее безумной за преданность делу, делалось дурно.

Маска открыла глаза, отыскала западную спутниковую башню Соло и начала отсчет:

Сто. Девяносто девять. Девяносто восемь.

Пожилой мужчина по соседству с Маской прокашлялся и проверил на себе ремни безопасности, которые она даже не вынула из панели. Еще в Хорее она переживала, что старейшина будет доносить ее наставлениями весь полет, но впервые за два часа вспомнила, что находится в шаттле не одна.

Ее попутчику было всего сто пятьдесят пять лет, но он явно пренебрегал своим здоровьем, отчего и выглядел на все триста. Маска не видела своей жизни после разжалования по достижении предельного возраста, поэтому давно решила, что предпочтет эвтаназию. Меньше всего она хотела уподобиться этой сморщенной тени бывшего величия и впасть в старческий маразм.

– Ну-с, мягкой посадки? – тихо шепнул старейшина, склонил голову и сощурился, будто пытался рассмотреть в чернеющих прорезях глаза попутчицы, что было невозможно – и о чем он прекрасно знал.

– Не переживайте, статистика на нашей стороне. Аварий не случилось уже сто тридцать семь лет. Ни одной, – спокойно сказала Маска.

Мужчина улыбнулся, и его глаза утонули в глубоких морщинах:

– Статистика, дорогая моя, дело относительное. И очень неточное, особенно в индивидуальном случае, тебе ли не знать.

Маска почтительно склонила голову.

Мягкий вибрирующий голос казался ей незнакомым. Быть может, этот старейшина пеленал ее в детстве или учил рисовать, но если они вовсе не пересекались, он заслуживал уважения.

Тридцать три.

Северная и западная спутниковые башни уже высились впереди сверкающими в лучах заката исполинами. Из-за прямоугольника крыла показались южная и восточная. Пронзающие тропосферу иглы высились по всей Гиперборее и, накрывая ее невидимой паутиной прогресса, всегда приводили Маску в восторг. Она лично участвовала в прокладке этого марш-

рута и теперь не просто наслаждалась грандиозным видом, но и пыталась убедить себя, что все было не зря.

Десять.

Старейшина восхищенно охнул. В его пору никого не заботил вид из иллюминаторов, и только она, глава отдела по изучению общественных настроений, озаботилась вопросами обычного счастья для Гиперборейцев.

Три.

Западная и восточная башни слились воедино аккуратно в центре купола Мемория – единственного здания в стране, к которому из-за невообразимой сложности конструкции не получится пристроить десяток-другой этажей сверху. Тысячи окружающих его подвижных зеркальных пластин улавливали лучи заходящего солнца и передавали их друг другу вот уже сто двадцать лет. Самое монументальное, но в то же время живое сооружение, хранилище памяти поколений, пускающее корни серверных все глубже в землю.

– Похоже на одуванчик стеблем вверх, – с усмешкой сказал старейшина. – Никогда не рассматривал Меморий с этого ракурса, очень мило.

Маска подавила тяжелый вздох и повела плечами.

– Проект Мемория подразумевает древесную крону.

– Я еще в состоянии читать метафоры, дорогая, но чем тебе не нравится одуванчик? Прекрасное растение, на мой взгляд, его жизненный цикл нагляднее прочего демонстрирует наш с тобой век.

– Я не думаю, что такое сравнение уместно. Да и наш век куда длиннее.

– Длиннее. Но Гиперборея возникла задолго до нашего рождения, будет еще долго существовать после нашей смерти, и для нее мы точно не важнее одуванчиков.

Маска подобрала плащ и замерла в ожидании звонка на выход. Она игнорировала рекомендации своего врача слишком часто, из-за чего сейчас разглядела в этом сумасбродном старике свое предрекаемое будущее.

С мягким толчком шаттл приземлился, и грубые ладони старейшины встретились с глухим шлепком.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

– А ты знаешь, – неожиданно бодро сказал он, – раньше, когда мы летали на самолетах, пассажиры по приземлении всегда аплодировали.

– Вероятно, они аплодировали пилотам. Теперь в этом нет смысла.

– Правда? Почему-то я все это время думал, что они аплодировали всем причастным к их благополучному полету и приземлению. Мы в данном случае могли бы поблагодарить Мартинса и Жекье за изобретение шаттлов и порадоваться, что до сих пор живы.

– С нами бы в любом случае ничего не случилось, вы же знаете статистику...

– Знаю, – старейшина хмыкнул. – А ты теперь знаешь, в чем ее проблема.

– И в чем же?

– Если бы по статистике неудачно приземлялся каждый пятый шаттл, ты бы аплодировала и радовалась вместе со мной. А так выходит, что из-за этой несчастной статистики ты и не радуешься, – старейшина расплылся в улыбке. – Прошу простить длинный стариковский язык, не смею больше задерживать.

Спускаясь по трапу, Маска открыла на обзоре ежедневник и сделала пометку: ознакомиться с медицинскими проектами по темам «здравомыслие» и «молодость». Если в ближайшие пятьдесят лет в этих областях не случится прорыв, она будет первой, кто внесет предложение о снижении возрастного предела. С трудом верилось, что еще недавно этот старейшина имел слово в Совете, а сойти с ума умудрился всего за пять лет без маски.

Просторная крыша небоскреба быстро заполнялась людьми. Пассажиры не спеша брели к городским лифтам, но Маска жила здесь же, всего на тридцать этажей ниже, поэтому поль-

зовалась служебным. Здания станций были самыми высокими в городе, находились в центре жилых районов, и жизнь в подобном месте могла сойти за привилегию, если бы не технические этажи над головой и еще сотня офисов департамента под ногами. На каждой из станций всего один жилой этаж, обустроенный специально для Масок, и жизнь там – скорее жертва. Одна из многих, что они приносили во благо своего мира.

Служебный лифт распахнул створки на сто десятом этаже. Маску встретили белые глянце-вые стены и одна-единственная дверь, которая со звонким щелчком открылась, стоило взяться за ручку. Плащ повис на вешалке, и она сразу направилась в ванную, где за зеркаль-ной панелью скрывался эктралон – маленькое устройство с чипом в наверху, соединенное с панелью управления тонким серебряным проводом.

Маска было схватила за зеркало, но в нерешительности откладывала ненавистный момент снова и снова. Она сняла белоснежные рубашку и брюки, отправила их вместе с бельем в отсек очистки и всмотрелась в свое отражение. Два, три, пять... Ребра на ее исхудавшем теле уже отчетливо проглядывались, соски по цвету почти не отличались от кожи, длинный хвост обесцвеченных волос казался едва светлее тела, а на правой руке проступила синевя вена, из-за чего она казалась себе почти прозрачной.

Маячок активации резервного питания стал ярче, основной аккумулятор высветил ноль – и интерфейс погас. Когда системы стабилизации отключились, Маска едва устояла на ногах. Поводов пополнять свой и без того внушительный список нарушений меппредписаний давно не осталось, и на этот раз Нина наверняка включит ей парочку протоколов сразу, как радостно в сотый раз похоронит.

Зеркальная панель легко поддавалась, Маска взяла эктралон, провела им по лбу, носу, кос-нулась щек и подбородка, после чего обвела контуры маски три раза. Набор простейших дей-ствий – своеобразный код, ритуал, который она проделывала уже бесчисленное количество раз, но все равно вздрагивала в конце. Эктралон отправился обратно на стену, унося за собой ее намертво примагниченную жизнь с нулевым зарядом батареи.

Маска вернула зеркало на место, подняла глаза и не сразу различила в отражении свое лицо. Все дети, когда-то претендующие на ношение маски, рождены физически идеальными людьми, но ее лицу было не место снаружи, и теперь она смотрела на него так, как обычный житель Гипербореи приветствовал бы свои выпущенные кишки.

Взмахом руки над панелью она активировала душ и встала под горячие струи, будучи практически без сознания. Весь день она бодрствовала только благодаря импульсам маски, а теперь ноги подгибались, сил едва хватило взбить шампунь, и каждое движение отдавалось в голове болезненным спазмом.

Кутаясь в халат, Маска прошла на кухню, окинула взглядом кружок плиты, раковину, ровный строй тарелок и уже не могла вспомнить, когда последний раз пользовалась ножом или вилкой. Синяя, белая и желтая капсулы снова провалились в пустой желудок. Она мечтала избавиться себя от этой бесполезной плоти, но сколько бы экспериментов по переносу сознания ни проводили, ни один даже не приблизился к желаемому результату, из-за чего она страдала куда сильнее, чем от голода.

Капсулы действовали спустя пять минут. Для полноценного функционирования их уже не хватало, но Маска смогла доковылять до комнаты и, несмотря на дрожь в ногах, начала свой очередной ритуал. Еще долго она перекладывала с места на место маленькую белую коробочку. Здесь, на пустых полках, для нее было слишком много места, из-за чего ни одно не казалось ей подходящим.

Глава 2

Хромированные скелеты домов в Гиперборее всегда возвышались над молочного цвета постройками, готовые в любой момент принять новый этаж. Формальным пределом оставался сто пятидесятый, но к нему приблизились только здания междугородних станций, остальные же едва доросли до десятого.

Маске нравилось смотреть на город сверху. Отсюда он был похож на хрустальное панно. Широкие проспекты и усыпанные мраморной крошкой улочки пронизывали его идеальным геометрическим узором, обводя зеленые пространства скверов и парков.

В понедельник даже ранним утром у подножия станции былолюдно. После выходных быстрыми ручейками по городским артериям в Соло возвращалась жизнь.

Сообщение от главы департамента труда и социального развития пришло полчаса назад – ровно в семь – и состояло из одного слова: «Жду». Сегодня ей не доведется услышать от своего формального начальника что-то хорошее, и лучше уж начать этот день со скандала, чем им закончить и очередную ночь страдать от бессонницы. У Маски было достаточно снотворного, система стабилизации могла прогонять кошмары, но все препараты учетные, датчики здоровья не отключаются, а хотя бы для медотчетов она должна спать спокойно. Уже два дня она не принимала энергетики, чтобы хоть как-то выровнять свою медикаментозную кривую, но что-то подсказывало: озаботиться этим следовало еще в прошлом месяце.

Маска накинула на плечи плащ и вышла к лифту, где нажала кнопку семьдесят девятого этажа. Ее путь до работы занимал ровно две минуты, но и они всегда казались ей вечностью. И чего он «ждет»? Видел ее отчеты задолго до собрания, первым, но не соизволил дать ни профессионального совета, ни дружеского, а теперь вдруг вспомнил, что в случае чего она всех потянет за собой.

– У-утро доброе! – донеслось из-за стойки секретаря, едва Маска успела выйти из лифта. Девушка в сером деловом костюме вытянулась в струну и почтительно склонила голову.

И кто, интересно, сказал, что она должна ей кланяться?

– Доброе, Мишель. У себя? – Маска кивнула на широкие двери в правом конце коридора.

– Да, ожидает.

Если бы Маркес написал ей «ожидая», уже лицезрел бы у своего рабочего стола. Но ему, по всей видимости, претило на нее смотреть, не говоря уже о любезностях. Что всегда загоняло Маску в тупик: ОпИОН подчинялся департаменту лишь формально, все это понимали, а пять лет назад она могла занять место главы, если бы только пожелала. А значит, он должен быть благодарен ей не только за весомый вклад в благополучие Гипербореи, но и за свои полномочия.

– Доброе утро, – угрюмо бросила Маска, прошла по просторному кабинету и опустилась в ближайшее к начальнику кресло. Ее кресло.

Маркес отодвинул от себя кружку с кофе и сложил руки на столе. Управляющего аппарата Гипербореи выходные не коснулись, и выглядел глава департамента не сильно лучше нее, но всегда зализанная прическа и дорогостоящие медицинские процедуры поддерживали образ элегантного атланта круглосуточно. Маркес был в три раза старше Маски, во столько же раз опытнее, и даже она считала его отличным руководителем. Но в те редкие моменты, когда ей приходилось подчиняться, а ему – брать за ее поступки ответственность, они друг друга ненавидели.

– Доброе? Да неужели, – строго сказал он. – Я уж думал, «доброе утро» в департаменте наступит в следующем году.

– В Гиперборее каждое утро доброе. Вашими стараниями.

– Ну да, ну да. И вашими в том числе, – Маркес поджал губы и цыкнул. – Так могу я наконец-то узнать наш план действий?

Это нарочитое «наш» резало слух. Маска уже два дня отчаянно убеждала себя, что в происходящем нет ни капли ее вины, что она лишь констатировала факты. А теперь так боялась прозвучать виновато, что едва шевелила языком.

– «Действия» не имеют к ОпИОН никакого отношения. Я предоставила всю нужную информацию. Действуйте...

– Очень интересно. Если уж не имеют, тогда могу я узнать, откуда в табачной правке взялось твое вето?

– Пока я жива, в Гиперборее не будет табака.

– Но будет алкоголь. Ты ведь уже в курсе?

Маска отвернулась к окну и стиснула зубы.

– Откуда ты знаешь? – процедила она.

– Полчаса назад я разговаривал с нашим главврачом. Вето на алкоголе висело полгода – это достаточный срок, чтобы меддепартамент придумал, как бороться с последствиями употребления. И, хочу заметить, такой же достаточный срок, чтобы ОпИОН смог найти альтернативу. Но ее же нет? – Маркес стукнул ладонью по столу. – И тогда какого черта ты устроила этот спектакль на Совете?!

Дыхание сперло, скорый импульс молниеносно снял тремор с рук и заставил зубы выпустить прикушенный язык, но стабилизация срабатывала снова и снова, пока Маска вспоминала последнее собрание.

– Это бред... Их предыдущий Маска хотел наложить вето на Меморий, а тут алкоголь!

– Но Меморий функционирует, – Маркес развел руки. – И он, как его управляющей известно, тоже вызывает зависимость!

– Да как ты можешь сравнивать? Меморий не наносит вреда здоровью!

– А жажда? – Маркес пожал плечами. – Ладно, с ним вопрос решенный, сегодня проблема в другом. И я не понимаю, почему ты так из-за нее всполошилась! Можно сказать, теперь мы пожинаем плоды ОпИОН, и все это делается ради пятерки на шкале. Нет?

Маска вцепилась в ручки кресла и чуть не заскулила от бешенства, с которым не справлялся и вживленный в ее мозг контроллер. Ей хотелось вылить кофе Маркесу на голову по одной простой причине – он абсолютно прав.

Индекс принятия и индекс согласия – лишь побочные продукты ее главного проекта по исследованию эвдемонии, но и ему нашлось применение. Теперь если ИП ниже 3,7 – в публичную сводку правительственных правок глобальные даже не вносили. Когда он достигал четырех, начинали аккуратно готовить жителей к изменениям и пристально следили за ИС, который, закрепляясь на уровне 5,3, гарантировал нужный исход любого голосования.

Три года после внедрения индексов точность расчетов подтверждалась, но уже год ни один из них не достигал приемлемых показателей. Эта проблема не давала ей спать, есть и думать о чем-либо другом вот уже восемь месяцев. Жители Гипербореи все меньше радуются, все больше грустят или склоняются к равнодушию, а теперь правительство хочет разобраться с этим с помощью «допинга».

– Если тебе все же интересно мое мнение, я считаю, что это к лучшему, – шепнул Маркес.

– Иди расскажи это своему институту семьи...

– Нашему институту семьи. Он, кстати, в курсе, не возражает и, более того, поддерживает, – Маркес тяжело вздохнул. – Сама подумай, лучше уж табак и вино, чем люди начнут искать недостающий «кайф» где-нибудь еще. А они начнут, тебе ли не знать. Не всем по карману еженедельный поход в Меморий, но собрать из таблеток, которые мы все с удовольствием поглощаем, что-нибудь торкающее – не составит труда. Ты видела последние отчеты законников? Да еще лет пять – и самопал начнут продавать на площадях. Предлагаешь дожидаться?

Маска встала с кресла и отошла к окну:

– Мы сами виноваты...

Когда-то на любой экранной проекции страны можно было любоваться видами с камер на пограничной стене, а с любого устройства – подключиться к серверам соседних государств, чтобы ужаснуться хаосу, анархии и упадку в них. Так правительство решило укрепить позиции – и, стоит признать, это был идеальный план: уже триста с лишним лет не было подано ни одного заявления на выход. Но изолировать Гиперборею от ада уже никогда не получится.

Департамент безопасности каждый день перехватывает тысячи незарегистрированных в местной сети сигналов, но методы обратить взор к соседям становятся все изощреннее, и бороться с ними с каждым годом сложнее.

Гиперборейцам бесплатно доступна медицина, о которой за стеной только мечтают, им достаются самые чистые и качественные продукты в мире, у них самая безопасная жизнь. Но, глядя на улыбки изможденных жителей соседних стран, они точно так же задаются вопросами. Почему в их кинотеатрах не показывают так популярные ужасы и триллеры? В чем удовольствие выпускать изо рта струйку дыма? Чем плохо алкогольное опьянение, если за стеной всем оно доставляет удовольствие?

Маска знала ответы на все эти вопросы. Но в отличие от нее обычные люди не понимают, что наркотическое счастье скоротечно и фальшиво, что стоит впустить его в себя – и синтез естественного нейромедиатора прекратится, о настоящем счастье можно будет забыть.

– Так и что? У нас есть план?

Напевные интонации отвлекли Маску от размышлений. Она вывела на обзор свой рабочий экран и постаралась собраться, потому что Маркес уже с ней сюсюкал, что невыносимо ее раздражало.

– Я подозреваю, что с легализацией алкоголя ИП и ИС подскочат вверх примерно на год-полтора. Думаю, для этого они все и затеяли. А значит, последует такой же стремительный спад, и нам нужно к нему подготовиться.

– Подумать только, счастье для Гипербореи ищет ее главный пессимист. Потрясающе.

– Я не пессимист, Маркес. Я дискрет.

– Называй это, как хочешь, Маска, но я еще ни разу не слышал у тебя веселых интонаций.

Про смех и подумать страшно...

Маска отвлеклась от рабочего экрана и глянула поверх видимой только ей проекции на своего формального начальника, который почувствовал ее замешательство и рассмеялся.

– Я не вижу ничего смешного в происходящем.

– О ужас! – Маркес прокашлялся. – Позволь-ка дать тебе совет?

– Слушаю.

– Вот когда ты в последний раз была на земле? А? Год назад, полтора? Спустись со своих статистических небес. Хоть посмотри на своих подопытных мышек! Твоя эвдемония никуда не денется, у тебя еще лет сто двадцать на реализацию. Но я могу поклясться, что ты не приблизишься к решению этой проблемы, если продолжишь смотреть только на графики, – завел он свою излюбленную песню.

– Кто из нас еще пессимист...

Маска захлопнула за собой дверь и спустя считанные секунды уже открывала двери в другом конце коридора. Семьдесят девятый этаж они делили с Маркесом на двоих, но если его кабинет вмещал в себя конференц-зал и чайную зону, то она использовала рабочее пространство со смыслом и перевезла к себе всех сотрудников отдела, которые до того ютились по разным кабинетам двумя этажами ниже.

Ее люди были нужны ей на расстоянии вытянутой руки и практически круглосуточно, поэтому помешать их воссоединению не смогли даже три направленные в Совет жалобы, причину которых Маркес и сам уже наверняка не помнит. Тогда он явно переживал, что они будут

мешать ему работать, а теперь чаще сравнивал ее кабинет с моргом и иногда заглядывал, чтобы убедиться в обратном.

Пока Маска шла к своему рабочему месту, никто из подчиненных и не думал вставать, кланяться или приветствовать ее каким-либо иным способом. Так было принято в ее отделе – они никогда не прощались, никогда не здоровались и всегда были онлайн.

– Мне нужно еще три минуты, – сказала Элен, не моргая, глядя на экран.

Зря Маркес думает, что она никогда не улыбается... Глядя на тихую работу точно настроенного механизма отдела по изучению общественных настроений, Маска всегда улыбалась. Каждая деталь на своем месте. Восьмерка лучших. Пятеро претендентов на ношение маски априори рождены интеллектуалами, но и остальные не сильно от них отставали.

– Готово.

Все встали практически одновременно. Маска дождалась, пока подчиненные пересядут за большой овальный стол в центре кабинета, и сразу перешла к делу:

– Работа над проектом «Эв» откладывается на неопределенный срок, сегодня он нас не интересует. Но, думаю, вы и так это поняли.

Мартин оперся о стол и беззастенчиво уставился Маске в лоб:

– Для начала можем мы узнать, что случилось на Совете? Аграрный департамент уже грозит прислать нам благодарственное письмо. Говорят, дурная слава их Маски аж померкла после ваших... декламаций. Это правда?

Маска тяжело вздохнула. Ее коллега из аграрного сектора ковал свою отвратительную репутацию вот уже пятый год, и в страшном сне ей не могло привидеться, что однажды их начнут ставить на одну ступень. Вечно вопящий и со всем несогласный, бессовестно требовавший для своего сектора исключительных условий и даже внешне не подходящий на свою роль, Маска из аграрного департамента постоянно ходил по очень тонкому льду. Всем казалось чудом, что он до сих пор в Совете. Но его спасали беспрецедентно высокие показатели подопечной отрасли, чем ее отдел уже давно не мог похвастать.

– Правда, – сказала Маска. – Совету не очень понравилось мое выступление. Но все вы понимаете, что горькая правда имеет полезное послевкусие.

Мартин усмехнулся:

– Понял. Тогда пусть переваривают. Начинаем...

Глава 3

– Десять фильмов, три спектакля, одна опера, два модных дома, – зачитывал Мартин, удерживая перед лицом проецируемый с браслета экран, из-за чего его золотые кудри отсвечивали легкой синевой.

– Анонсы?

– Ни одного. Все запланированы на ноябрь.

– Могу поспорить, перенесут на конец октября, – сказала Элен. – Час назад ТуТриДжи и Марго объявили о помолвке, двадцать пятого числа назначен день свадьбы.

Все оказалось куда хуже, чем Маска могла себе представить, но черта с два она поверит, что самые ожидаемые культурные события Гипербореи выстроились в ряд случайно. Снятие вето с алкогольной правки явно было спланированным и только для нее стало сюрпризом. Более того, для принятия гражданами этой правки Совет решил воспользоваться ее же методами.

Искусственное завышение индексов – не новость. К этому уже прибегали, когда голосования требовалось проводить безотлагательно. Долгожданные сезоны полюбившихся сериалов, футбольные матчи, дни распродаж, свадьбы медийных персон и их же разводы, внеочередной запуск спецпрограмм для будущих родителей, скидки в Мемории и еще множество всего с одной единственной целью – сделать гиперборейцев счастливыми, задрать индексы и устроить голосование с предreshенным итогом.

Еще в начале года она представила на Совете целый талмуд рекомендаций по удержанию индексов и даже просчитала все риски, но ее предложения влияли на ИС лишь в перспективе, а им изначально была нужна быстрая партия. И всем было плевать, что в конечном итоге она поставит крест на вопросах эвдемонии.

– Николя, достань все, что мы когда-то разрабатывали для медицины, отсортируй по затратности и удели особое внимание группе «тридцать пять – восемьдесят». Сейчас у нас недостаточно информации, но она появится в ноябре, будет много работы, поэтому на следующей неделе начинайте отгуливать отпуска, в следующем году их не будет, сегодня к вечеру я жду график очередности. На этом все.

Маска скинула плащ на спинку кресла и вышла на пришедшую в запустение аварийную лестницу. Между собой все члены Совета могли общаться невербально – и при личной встрече, и по видеозвонку, но сегодня она едва ли в состоянии себя контролировать, а в последнюю очередь ей хотелось предстать перед коллективом истеричкой.

На обзоре загорелся исходящий вызов, и через пару секунд на мутной проекции материализовался Маска из меддепартамента, прошептавший ей: «Жди». По смазанным краям кадра и тяжелому дыханию медика было понятно, что он стремглав куда-то несется, и ее для начала радовало, что он хотя бы ответил.

Как и она, этот Маска никогда не претендовал на высокую должность. Он был первоклассным ученым-медиком, занятым работой круглосуточно.

Смазанная картинка стала четче, и шапка черных растрепанных волос застыла на экране, словно помехи.

– Привет, Счастье! Прости, прости, прости, прости, – протараторил он. – Отличное выступление, кстати! Только в конце явно не хватало «мы все подохнем!».

– Это не смешно! Могу я узнать подробности хотя бы сегодня? – рывкнула Маска. – Полгода. Полгода ты его держал, что пошло не так?!

– Не понял? Вообще-то, все. Мы планировали снять вето еще в прошлом месяце, и так дотянули, больше откладывать нельзя. Иду-иду, – кивнул он кому-то и вернул внимание на экран. – Я отправлю тебе все наработки чуть позже, осталось оформить. И, кстати, огромное

спасибо за стопор на табаке, я дам отмашку, когда можно будет снять, а то у калькуляторов вечно все просто.

– Ты издеваешься? Да никогда.

– В смысле? У ОпИОН есть еще какие-то предложения?

– Ты в курсе всех моих предложений, но их не допустили до Совета.

– Не удивительно. Они слишком дорогие! Я все понимаю, но твой отдел и так обходится Гиперборее недешево. Я видел промежуточные отчеты – такими темпами однажды вы сравняетесь с нами. Совесть-то надо иметь. Я ни в коем случае не умаляю значимость твоей работы, но... Иду! Дай мне минуту! – контуры проекции снова расплылись. – Все, потом поговорим. Прости, прости, прости. И не переживай по этому поводу, у вас еще полно времени на ликвидацию. А пока как раз сможешь выпечить себе отпуск. Я, кстати, получил от Нины уже три гневных сообщения и в курсе твоей ситуации, имей это в виду. Будешь и дальше злоупотреблять, протоколом не отделаешься и уйдешь в вынужденный. Отбой.

Звонок прекратился.

Маска сцепила руки на груди и зарычала. Она будто год провела в отключке, из-за чего теперь тщетно силилась вникнуть в происходящее. Меддепартамент даже не скрывает, что вето на алкоголь изначально было временной мерой, но до этого ни он, ни кто-либо еще ей об этом не говорил. Почему? Потому что всем это было очевидно, пока она тешила себя надеждой, что справится с проблемой сама?

Многие из Масок вздохнули с облегчением, когда она наложила вето на табак. Как минимум пятнадцать департаментов не думают принимать внутриведомственные решения, пока не согласуют их с ней. У ее отдела есть доступ ко всем числовым показателям страны – от экономики до демографии. А теперь ее решили оставить за бортом!

Маске показалось, что датчики на ее лице уже скрежешут от нагрузки, как отчетливый лязг донесся откуда-то снизу. Медленно минуя пролет за пролетом, она вслушивалась в ритмичное бряцание, шорох и попискивание – и содрогалась все сильнее с каждой ступенью. Неисправный, агонизирующий механизм уже заполнил стенаниями всю лестничную клетку, и от подобных звуков ей всегда становилось не по себе. Словно непрощенное напоминание, очередной намек. Биологическое тело, от которого она так мечтала избавиться, пока что идеальный плен для ее неумного сознания. Нужно всего лишь есть. И спать.

Источник лязга нашелся на семьдесят шестом этаже. Робот-уборщик ерзал на своих гусеницах взад-вперед и утыкался в стену, пытаясь пробиться в шахту лифта. Сенсоры отказали, слетел план здания, камеры отключились – возможных причин множество, но его конвульсии все равно казались Маске болезненными.

Жалость и сострадание далеки от счастья, но куда ближе к нему, чем равнодушие. Очередной проект ОпИОН работал безотказно. Все служебные роботы в Гиперборее стали в некотором смысле антропоморфны. Камеры теперь находились симметрично по центру прямоугольной коробки корпуса, антенны прятались под парой колпачков сверху, некоторые экземпляры даже имели зарядный кабель-хвостик. И теперь этот труженик клининговой службы бился головой о стену. Так сильно бился, что у него дрожали ушки.

Маска раздосадованно улыбнулась и спустилась на площадку.

– Что такое, – шепнула она, склоняясь к роботу.

Задняя крышка поддалась. Поддев ногтем рычажок на аккумуляторе, она отключила питание, и робот с шипением заглох. И почему он выглядит таким потрепанным?

– Ты что делаешь?!

От сильного толчка в спину Маска отлетела в сторону и в последний момент успела схватиться за перила, чтобы не покатиться вниз по лестнице. На этот раз скрежет наверняка раздался у нее в мозгу, когда датчики пытались нивелировать испуг, боль в ушибленных коленях и руке и одновременно подавить яростный припадок и аритмию.

– Черт... Извини. Я не рассчитал. Просто не надо совать руки, куда не просят!

Маска медленно обернулась. Парень явно не ожидал увидеть перед собой черные прорези вместо глаз, из-за чего сердитое лицо мгновенно исказил испуг. Он отдернул протянутую руку, спрятал ее за спину и отшатнулся к двери на этаж.

Держась за перила, Маска встала, не сводя с перепуганного техника глаз. На нем был белый хлопчатобумажный комбинезон с кучей карманов и номером подразделения. Вполне возможно, он принял ее за кого-то из своих, ведь она тоже вся в белом. И пусть шелковые нити ее брюк и блузы светились перламутром, в полумраке он вполне мог этого не заметить.

Парень вытащил руки из-за спины и с явным усилием пытался привести себя в чувство, для чего пару раз тряхнул головой и подпрыгнул на месте. Маска не верила в совпадения, черные и белые полосы, а уж тем более в сглазы и наговоры, поэтому ничем не могла объяснить себе валившиеся на голову проблемы. И это злило ее куда сильнее, чем такие нелепые случайности.

– Прошу. Меня. Простить, – сказал техник, склонив голову.

– Прощаю. Но впредь, пожалуйста, без резких движений. Ты можешь кого-нибудь ранить, – Маска старалась разговаривать с ним спокойно и почти по-дружески, ведь страх – последнее, что ей хотелось провоцировать своим видом.

– Понял, – уже увереннее отозвался парень и мельком на нее глянул. – В смысле... не повторится.

Маска указала рукой на открытую техническую панель робота.

– Я отключила аккумулятор. Он бился о стену.

– У Тоби такое бывает. Линзы изнашивались, мы в курсе проблемы.

– Не только линзы. Аккумулятор уже давно пора заменить. Попроси старшего направить запрос в снабжение.

– Я направлял уже три запроса по этому поводу. Все они пришли с пометкой «отложить».

Маска вывела на обзор рабочий экран, нашла этого техника в списке сотрудников, после чего открыла вкладку его заявок. Глаза забегали по строчкам: «Отложить. Отложить. Отложить. Отложить». Голову окутала очередная волна искусственного успокоения. За последние полгода снабжение удовлетворило только пять технических запросов. Пять из тридцати двух.

– Я, если что, не вру. Могу написать четвертый хоть сегодня, но мне кажется в этом нет смысла.

Маска словно получила очередную пощечину.

Все это время ей казалось, что все в Совете закрывают на проблему глаза, когда они были закрыты только у нее.

Она слишком заиклилась на счастье, пребывая в полной уверенности, что с остальным разберется экономический департамент. И там разобрались, только теперь не спешили посвящать ее в детали, а все по причине вопиющей сумасбродности, которую она демонстрировала весь этот год.

Никого не будет волновать вид из иллюминаторов, когда шаттл с неисправными двигателями понесется к земле; никому не будет дела до тарелок в столовых, если на них недостаточно еды; всем станет плевать на милые ушки роботов, если они перестанут справляться со своей работой. Теперь проекты ОпИОН казались ей такими мелочными, что хотелось провалиться сквозь землю от стыда.

Скоро денег в Гиперборее не хватит даже на удовлетворение базы. А она им про счастье...

Глава 4

Маске казалось, она слышит шелест серого вещества в головах своих шестеренок, но и это уже не внушало ей оптимизма.

Она нагружала своих людей работой, от формирования соцопросов до сбора данных о содержании сахара в потребляемой еде, и так заиклилась, что не оставила им и шанса самим пораскинуть мозгами.

Даже не удивительно, что вето с алкогольных правок сняли, стоило увидеть ее последние отчеты. Если бы она придумала альтернативу, разработала бы что-то подходящее здесь и сейчас, о чем ее все это время просили, вполне возможно легализацию алкоголя бы перенесли или вовсе вычеркнули из повестки.

Но что они теперь планируют делать? Вводить регулятор смертности или рождаемости? Снижать зарплаты? Убирать квоты на родительские программы? Маска прекрасно понимала, что бы там ни было, едва ли оно улучшит общественные настроения, а значит допинг им сейчас и правда необходим. Они не смогут удерживать индексы одними сериалами и скидками, а уж одурманенный мозг счастлив сам по себе.

О том, чтобы реализовывать внутренние правки, минуя народное голосование, не могло быть и речи. На этой видимости демократии уже четыреста лет держалась вся Гиперборея. Людям важно чувствовать свою причастность, провальные для государства проекты только подкрепили их веру в свою значимость, и лишить их ее, равно вынуть из государственной машины провода.

Маска откинулась на спинку кресла и вывела перед собой список текущих дел скорее чтобы отвлечься и не забивать голову вопросами, на которые не могла ответить, чем действительно хотела этим заниматься.

Транспортный департамент уточнял, в каком порядке в грядущем году лучше проводить переобучение персонала, роддома хотели убедиться в правильности выбранных характеристик для следующего поколения, сектор туризма утверждал графики ввода в эксплуатацию новых зон отдыха, и еще десяток вопросов, в которых все уповали на ее рекомендации.

Маска закончила с рассылкой писем аккурат с коротким звонком, извещающим о начале обеденного перерыва, который сама она чаще игнорировала, но не рекомендовала игнорировать подчиненным. У них не было маски стимулирующей продуктивную работу электрическими импульсами, им нужна еда и отдых, а ей их стопроцентная отдача на рабочем месте.

Экраны погасли практически одновременно, Маска встала из-за стола и накинула на плечи плащ.

– Точно, – сказал Мартин, косясь на нее. – Через три дня обследование, пришло время выпрямлять медикаментоз.

– По-моему, поздновато, – посмеиваясь, сказала Элен.

– По-моему, «поздновато» было еще два месяца назад, – сказал Герг. – А теперь невозможно.

От субординации в ее отделе мало что осталось, но обеденный перерыв был единственным часом в рабочий день, когда для шуток находилось время, и Маска этому никогда не препятствовала. Разрядка им сейчас точно не навредит. Да и ей пора бы брать себя в руки. Слишком много ошибок было допущено, и большая часть из них вызвана переутомлением.

– Еще раз услышу «невозможно», подам запрос на малоуглеводный стол. Специально для ОПИОН, – сказала Маска.

По кабинету прокатился шорох смешков.

– Ну-ну. И тогда к нам точно явится Нина, чтобы кормить вас с ложечки

– Передай своей невесте, Мартин, что за разглашение мединформации членов Совета она может получить выговор и лишиться премии.

– Не страшно, ради вашего блага мы скинемся ей на фату, – посмеиваясь сказала Ника.

Маска улыбнулась. Никто из ее шестеренок не выглядел напуганным и паникующим, может она нагнетает? Экономика всегда нестабильна, и ее спад предвещает грядущий подъем, ведь ответственные за нее люди профессионалы своего дела, а легализация очередного стимулятора и правда был лишь вопрос времени. Нужно с этим смириться, иначе проблема так и останется нерешенной.

В прагматичном уме все переворачивалось с ног на голову. А ведь если бы не этот несчастный робот, вряд ли бы она так скоро вообще смогла разглядеть корни проблемы!

«Спустись со своих «статистических» небес!»

Взгляд скользнул по свернутым вкладкам на обзоре. Быстро миновав очередь у раздачи, Маска взяла яблоко, и вернулась к лифту. Ей неистово хотелось починить в этом мире хоть что-нибудь, и хорошо для этого не придется далеко идти.

Сто пятнадцатый этаж встретил горящими через одну лампами и духотой. Датчики на обзоре сразу высветили двадцать семь градусов, что было выше установленной нормы аж на три.

Маска открыла план здания, нашла на нем кабинет начальника службы снабжения и, не отвлекаясь на разбросанные повсюду запчасти и коробки, направилась напрямик к открытой настежь двери. Она пару раз стукнула ладошкой об косяк и заглянула внутрь.

– Могу войти?

– Нет! – рявкнул единственный восседающий в кабинете клерк. – Устроили мне тут, п... п...

Мужчина разглядел гостью, подскочил и влетел коленом в стол, из-за чего теперь выдавливал из себя улыбку, с трудом сдерживая просящиеся на язык ругательства.

Маска подошла ближе к его столу и улыбнулась, впервые на своей памяти сокрушаясь, что никто не видит ее лица. В ежедневнике появилась еще одна заметка, и если для нормализации обстановки ей придется рисовать улыбку у себя маске, она сделает это безотлагательно.

– Чем обязан такой честью? – просипел мужчина.

Маска вывела сдвинутые вкладки обратно на обзор. Уж починка одного робота не сильно ударит по карману департамента...

– У меня будет небольшая просьба. Если возможно, не могли бы вы удовлетворить запросы триста сорок три дробь ноль и триста пятьдесят семь дробь два.

Снабженец ловко зашвырнул какой-то сверток в стоящую в углу кабинета мусорную корзину, протер руки о штаны и сосредоточился на экране.

– ...дробь ноль, – сбивчиво цедил он. – пятьдесят семь... Пятый технический отдел?

– Да. Запросы направлял, – Маска сверилась с анкетой, – мастер Илай.

– Вижу-вижу. К-конечно! – снабженец воссиял. – Нет проблем. Аккумулятор точно найдем. Все найдем!

Неестественность реакции этого мужчины бросилась бы Маске в глаза, даже если бы сканер не подсказывал ей обратить внимание на сжатые кулаки и нервно подрагивающий уголок правого глаза. Она явилась с личной просьбой, готовая уповать только на стоворчивость начальника службы снабжения, а теперь будто превышает служебные полномочия, которыми, в общем-то, даже не обладает.

Маска положила яблоко на стол и склонила голову к плечу:

– Спасибо большое. Если будут какие-то вопросы, не стесняйтесь обращаться.

– Пренебреженно! Сп-спасибо, – снабженец перехватил яблоко и задрал его к лоснящемуся лицу.

Маска вышла из кабинета, и сразу же в ежедневнике появилась еще одна заметка. В Соло, четвертом по величине городе Гипербореи, жили всего три Маски. Одна заправляла налоговым департаментом, другая отделом архитектуры, посетить их офисы не составит труда, и если выяснится, что не только она сталкивается с подобной реакцией, проект «Улыбка» родится быстрее, чем успеют откупорить первую бутылку. Уж скромная гравировка пятидесяти масок впишется и в самый нищий бюджет...

Шагнув в лифт, Маска ощутила резкий прилив свежего воздуха и вернулась обратно в коридор. Вряд ли система кондиционирования настроена на такую жару умышленно, ведь если бы он мерз, то закрыл дверь, а не пытался устроить сквозняк. Правда?

Она вернулась к кабинету управленца и свесилась в проход, готовая проявлять участие во всех встречаемых проблемах, лишь бы реабилитировать себя хотя бы в своих глазах.

– Простите.

Мужчина дернулся и снова расплылся в улыбке:

– Да, что-то еще?

– Я просто хотела уточнить, – говорила Маска, не сводя глаз с яблока, которое теперь покоилось на дне мусорной корзины, – а что у вас с температурой? Не жарко?

– Ой, нет-нет, нормально, – отмахнулся мужчина. – Мы тут все привыкшие! Не беспокойтесь по этому поводу.

– Как скажете...

Маска сунула руки в рукава форменного плаща с золотыми кантами и вернулась к лифту. За эти полдня ее белоснежное лицо активировало датчики столько раз, что успело разрядиться аж на семнадцать процентов, хотя обычно едва расходовало три. В первую очередь ей следовало перекусить и, может быть, вздремнуть, но она все равно активировала кнопку первого этажа.

Когда она смотрела на город из своих окон, ей казалось, что все под контролем, но на самом деле все это время контроль просачивался сквозь ее пальцы и оседал пылью где-то на тротуарах мощеных мрамором улиц. Жители Гипербореи явно перестали им доверять, и эту проблему нужно решать уже сейчас, ведь грядущие изменения могут усугубить ситуацию до непоправимого предела.

Ей давно следовало спуститься. Следовало додуматься до этого самой и не ждать, пока обстоятельства не шадя скинут ее с тех самых статистических небес. Следовало хотя бы заглянуть в Меморий, где уже наверняка забыли голос своей управляющей.

Глава 5

Город тонул в сладостном послевкусии выходных. По белоснежным дорогам неспешно прогуливались люди, ездили роботы коммунальной службы, многочисленные магазины зажигали вывески, и теплый свет городской иллюминации аккуратно вплетался в розовеющие сумерки.

Все вокруг выглядело совершенным, каким и было однажды задумано. Маска брела по городу, выбирая все новые маршруты, и всеми силами держалась, чтобы не подняться на ближайшую станцию. В один момент отключила интерфейс с обзора, оповещения на котором настойчиво рекомендовали снизить нагрузку, но уже спустя минуту вывела его обратно. Без рамок, данных окружающей среды, статистики, акцентирующей обводки и иконок сканера ей было невыносимо смотреть на свой мир. Она чувствовала себя беспомощной, бесполезной и неполноценной его частью. Вряд ли когда-нибудь она вообще сможет смотреть на Гиперборею глазами рядового жителя, ведь ее восприятие давно строится по совсем иным принципам.

Но она пыталась.

В первую очередь ей хотелось понять замешательство в направленных на нее взглядах, ведь сейчас она чувствовала себя непрошеным гостем на устроенном ею же празднике.

Ни для кого в Гиперборее не секрет, что Маски существуют. Все знают, чем они занимаются. Знают, что они не получают денег за работу и не имеют даже формальных привилегий, чтобы не было поводов для зависти или злости. И когда-то Маске казалось, что стоит ей появиться на улицах Соло, как люди будут выстраиваться в очередь, чтобы пожать ее руку. Она прекрасно понимала, что не должна просить за свою работу что-либо взамен, но где-то в глубине все равно терзалась чувством вопиющей несправедливости.

Интерфейс померк. Скорый импульс пробежал по всему телу, и Маска выставила вперед ногу еще до того, как успела понять, что происходит. Летящий напрямик на транспортную полосу мячик остановился.

В Гиперборее не было частного электрического транспорта, но и велосипед может нанести ребенку тяжелые травмы, а здесь нет того же ограждения, лишь пятнадцатисантиметровый бордюр, который и мяч, и бегущий за ним ребенок преодолеют в два счета. И о чем только думали?

Маска присела, взяла мяч в руки и осмотрелась. Женщина неподалеку настойчиво требовала от маленького мальчика в голубой панамке вести себя прилично, но ребенок вырвался из материнского захвата, подбежал ближе и уставился на Маску ясными блестящими глазами.

– Масчупулька! – завизжал он, тыча в нее пальцем.

Маска улыбнулась. Неужели этот мультик еще показывают? Они смотрели его в Долинах по выходным. И иногда по праздникам. Всем нравился маленький супергерой в плаще-одеяле и бумажной маске, который каждую серию спасал Город Снов от очередного нашествия «темных сил», чтобы его братьям и сестрам никогда не снились кошмары. Подобное сравнение показалось ей даже приятным.

– Простите, он не хотел, – виновато покосилась на нее подросевшая женщина. – Дети.

– Все хорошо, но я думаю здесь не лучшее место для игры с мячом.

– Мы уже домой идем, – женщина отдернула от Маски ребенка и взяла его на руки. – Простите, пожалуйста, недоглядела.

– Не извиняйтесь. Будьте аккуратнее. Пожалуйста.

Маска протянула мальчику мяч, но ему до игрушки уже не было никакого дела, он извернулся и ткнул ее пальцем в лоб.

– Масчупулька!

Женщина отпрянула, и ее лицо исказилось от уже знакомого выражения неподдельного страха.

– П-простите! – пятась прикрикнула она.

Маска не успела ничего ответить, как мать с ребенком скрылись из виду, оставив ее с маленьким зеленым мячиком в руках.

Губы задрожали от злости и обиды. Для этого маленького мальчика она была словно супергерой, но сейчас дома ему объяснят, что к Маскам запрещено приближаться и уж тем более тыкать в них пальцами, иначе однажды они ему их откусят, и потом он своим детям станет рассказывать о них страшилки с самой колыбели.

Проложив кратчайший маршрут до Мемория, Маска завернула к лифтам станции и раскрыла вкладки интерфейса на весь обзор.словно обиженный ребенок она спряталась за видимой только ей стеной, но у нее не было ни малейшего шанса врезаться в этом городе хоть в кого-нибудь, а если она продолжит смотреть по сторонам у нее не останется сил. Статистика заряда показала, что с каждым часом маска все сильнее включается в жизнеобеспечение. Ее хозяйка измотала себя настолько, что рассчитанный аж на неделю аккумулятор просел почти наполовину всего за день, чтобы удержать ее на ногах.

Маска зашла в шаттл и села на ближайшее к выходу место. Ее руки то и дело вздрагивали, шею сводило от напряжения, а молниеносно сменяющие друг друга отчеты на обзоре доводили до тошноты.

Она не могла поверить, что мальчик ни капли не испугался, а его мать аж тряслась от страха, хотя в первую очередь должна быть благодарна Маскам. Ее сын никогда не заболел чем-либо серьезным, никогда не станет преступником или его жертвой, никогда не будет ни в чем нуждаться, и все это заслуга Масок, которые сами никогда не станут родителями и у которых никогда их не было.

Все сто претендентов на ношение маски рождаются одновременно раз в сто тридцать лет. Как и предыдущие три поколения все детство они живут в специально возведенном комплексе в Долинах, но практически ничем не отличаются от обычных детей. Разве что талантами и хорошими физическими данными их наделяют за счет госбюджета, чтобы не прошедших отбор в шесть лет с радостью забрали в семьи. За детьми Долины всегда выстраивались длинные очереди, ведь не всем по карману родить себе музыкального гения или выдающегося математика, который в свои шесть уже будет воспитан образцовым членом общества.

Мартин, Элен, Никола, Герг и Аня, все они счастливы, что однажды не прошли отбор и сохранили имя, которого Маска уже не помнила, но это счастье обеспечили им новоявленные родители, пока она могла быть счастлива сама по себе. Счастлива стать супергероем.

Шаттл приземлился. Не сводя глаз с интерфейса, Маска миновала платформы, зашла в лифт, который не пришлось ни с кем делить, и вышла на площади, ощущая себя на финишной прямой изматывающего забега.

Виток свежего ветра поднял волосы, окутал ее шею и руки, и просочился в прорези для глаз, когда сверкающая крона легла сверху трепещущей тенью. Основной корпус хранилища памяти возвышался всего на два этажа, но со всех сторон они были укрыты куполом из подвижных пластин, из-за чего здание казалось парящим в воздухе. Ночью и днем крона была опущена, и окутывала Меморий облаком, но в четыре часа раскрывалась навстречу солнцу и играла его лучами до самого заката. Маске нравилось здесь бывать, и причины откладывать этот визит целый год теперь казались ей лишь оправданиями. Меморий его детище, – Маски, одержимого поисками эвдемонии, – и если бы он знал, какой трусихой она стала, сделал бы управляющим кого-нибудь другого...

Маска отправила пару новых указаний в ОпИОН, после чего с усилием заставила себя приглушить интерфейс и осмотрелась. Департамент культуры строго следил за модными тенденциями, чтобы поддерживать в стране и внешнее равенство. Яркие краски не рекомендовалось использовать более чем на десяти процентах видимой поверхности, будь то платье или ковер, и пусть фуксия и салатный не были запрещены, красители недешево обходились для производства, и позволить их могли лишь выпускающие дорогую мелочевку предприятия. И поэтому в толпе выделялись только дилеры.

Любой человек в Гиперборее мог записать свои чувства и выложить в общий доступ, но для полноценной их фиксации нужна дорогостоящая аппаратура и парочка операций на мозг, поэтому дилеры пользовались популярностью на уровне знаменитых актеров или певцов.

Увешанные датчиками, браслетами и бусами камер, они были основными распространителями счастья в Гиперборее, и на первый взгляд понимали в нем куда больше нее. Вся их жизнь транслировалась практически в прямом эфире, а записи самых ярких эмоций они передавали в Меморий, чтобы потом кто-нибудь за плату пережил этот момент вместе с ними.

Явление Белой Королевы никто из них не оставил без внимания, Маска даже получила пару запросов на разрешение съемки. Здесь ее никто не боялся, здесь ее боготворили. И это тоже шло поперек ее принципов, но она одобрила все запросы и приветственно помахала, ведь стоит ей уйти, многие пойдут сдавать воспоминания с их встречи, и заражать этой радостью остальных.

Меморий и тысячи его филиалов по всей стране были созданы с одной единственной целью, – дать данные для анализа, но со временем он обособился и даже начал приносить доход. Благодаря ему еще ее наставник выяснил, что двери, которые открываются автоматиче-

ски, вызывают куда более спорные эмоции, чем висящее на петлях. Людям нравится держать все под контролем. Когда ладошка ложится на ручку двери остаются секунды на раздумье, время привести мысли в порядок, поэтому в секторах, где требовались взвешенные решения, не было автоматических дверей. И поэтому они повсюду были в Мемории, где от всех ждали сиюминутного раскрепощения.

Многие выбирались сюда семьями, как в парк развлечений. Здесь стимулирующие капсулы запускали выбранный кейс, и тогда ощущения записавшего полностью проецировались на лежащего внутри. Так дети избавлялись от фобий и учились плавать, взрослые путешествовали по стране или выбирали себе кофемашину, основываясь на ощущениях уже испытывавших ее людей, а семейные пары легально друг другу изменяли.

Маска прошла внутрь и сразу оказалась в вестибюле, который в народе называли «коридором славы». Здесь будто постеры киноновинок висели плакаты кейсов выбивших больше всех баллов по эмоциональной шкале, а на стойках сменяли друг друга плакаты самых популярных кейсов за месяц.

Все их Маска уже изучила до мельчайших подробностей, и текущая тенденция не вызвала сомнений. Обнаженная женщина на персиковых простынях, праздничный ужин в ресторане, долгожданная покупка нового проектора. Люди все чаще выбирали кейсы «удовольствие» и им было абсолютно все равно, чем оно вызвано, будь то вкусный обед или секс. Из-за упадка настроений в обществе началась подмена понятий. Счастье уступало место удовольствиям. Они понятны, достижимы здесь и сейчас, но скоротечны, а гиперборейцев все меньше волновали перспективы. В будущем они слепо уповали на правительство, и не задумывались, что оно напрямую зависит от них.

Весь год Маска тщетно пыталась придумать, как разорвать этот порочный круг и вернуть все в колею ведущую на подъем. Как снова сделать популярным рождение и воспитание детей, получение образования, победу на олимпиадах и в конкурсах? Как доказать гиперборейцам, что счастливыми они смогут получать удовольствие от всего вокруг и им больше не понадобится ходить за этим в Меморий?

Интерфейс погас, и неподдерживаемые стимуляцией ноги тут же подкосились. Маска схватилась за стенд, и через секунду на обзор вылезла синяя полоса с коротким текстовым сообщением.

«СС С.1.72.01.30»

Срочный сбор. Соло, первая станция. Семьдесят второй борт. Первое место. Время ожидания шаттла тридцать минут.

Стоило прочесть сообщение, как оно пропало с обзора, и датчики вновь заработали на полную мощность, но Маска переводила взгляд со своих ног на интерфейс и боялась выпустить стенд из рук. Впервые в Гиперборее объявлена тревога предпоследнего уровня, но если она сейчас не успокоится и побежит к шаттлу, из здания Совета ее вынесут на носилках, ведь заряда маски к тому моменту попросту не останется.

Кто-то раскрыл на весь коридор проекцию прямого эфира.

– Это прорыв стены!

– Реально! Там все горит!

– Какой это район?!

– Прадо! Посмотри, там склады, они пришли за нашей едой!

Маска поправила стенд и распрямилась. Вряд ли эти сгустки пламени вызваны прорывом стены, ведь тогда уровень тревоги светился бы красным. Но он синий. В сложившейся ситуации пожар и вообще казался ей не страшнее катящегося под колеса мяча, поэтому перевести себя в чувства удалось куда быстрее, чем она ожидала.

На трансляции явно район плантаций, скорее всего приграничный Варабис, где водостоки и резервуары на каждом углу, и системы пожаротушения справятся с проблемой за считанные минуты. Стоило из-за такого вообще объявлять тревогу?

Маска вышла из Мемория и прикрыла глаза.

И давно она стала такой равнодушной к проблемам, если они не касаются счастья?

Глава 6

Маска не торопясь зашла в служебный шаттл за минуту до его отправления, молча села на свое место и пристегнула ремень безопасности.

«Из-за этой дурацкой статистики ты и не радуешься».

– Не поняла... Мы думали, ты уже там, вовсю оцениваешь масштабы трагедии!

– Видимо, у ОпИОН хорошие прогнозы. Или все так плохо, что и переживать не стоит?

Шаттл подлетел. Маска начала медленный отсчет, свою неизменную игру на всех пригородных маршрутах, и старалась не обращать на замешательство сидящих напротив коллег внимание.

Девяносто девять. Девяносто восемь.

Уж им не обязательно знать, что лишние движения сегодня могут ее убить. Сама она ежеминутно порывалась залезть в сеть, но до сих пор не знала никаких подробностей происходящего изрядно влияющих на заряд.

– Пока что ОпИОН понятия не имеет, насколько все плохо, – шепнула она.

– Звучит оптимистичненько, как всегда-а.

Маска из архитектурного департамента откинула голову на спинку кресла и вытащила на лоб одну из косичек с парой разноцветных бусин. Если бы не белые служебные одежды, ее вполне можно было принять за дилера, ведь фривольное поведение и интонации прорывались и сквозь маску. Особенно это бросалось в глаза на контрасте со сдержанной Маской из налоговой службы, которая тоже вряд ли понимала, как образцовый член общества мог превратиться в «это» всего за пять лет.

Они вместе росли и играли в одной песочнице, но их было сложно назвать друзьями или даже знакомыми. Когда в шесть лет все начали покидать комнаты только с маской на лице, им пришлось забыть не только собственное имя, но и имена всех окружающих. Примерно год шел процесс адаптации, они учились пользоваться вживленными датчиками, невербально управлять интерфейсом, разговаривать и смотреть мультфильмы, и в конечном итоге превратились в единый обезличенный механизм. Сначала у них было пять классов, потом десять, а последние три года в Долинах они практически не пересекались и тесно взаимодействовали только с наставниками.

Наверное, ее наставник и был ее единственным другом.

Такой же человек без лица и имени, предыдущий глава департамента труда и социального развития, Маска с голосом похожим на шоколад. Удивительно, что это сравнение однажды вообще пришло ей в голову, но она любила шоколад и его она тоже когда-то любила.

Долгие месяцы на Совете Маска пыталась разглядеть его на верхнем ярусе в ложах старейшин. Еще дольше она ждала, что он сам ее найдет. Но после смены поколений он исчез, и оставил ей на память только красный карандаш в маленькой белой коробочке.

Четыре. Три. Два.

Башни поравнялись с Мемориумом, и на мгновение Маска тоже рассмотрела в этой величественной инсталляции перевернутый вверх стеблем одуванчик. Быть может, тот старейшина не такой уж и сумасшедший? Во всяком случае она недалеко от него ушла...

Спустя полтора часа полета, когда пять спутниковых башен столицы уже отчетливо проглядывались на горизонте, Маске пришло очередное приоритетное сообщение все с тем же синим маркером.

«СС X1.06.17.30»

Маска поперхнулась от вновь ворвавшихся в жизнеобеспечение импульсов и схватилась за голову.

– Какого... – шепнула она слишком громко, чтобы оставить это возмущение при себе.

– Тоже, значит, летишь. Ну движ! Дайте два.

– Вам пришло новое сообщение?

– Да. Они хотят видеть нас на шестом борту через полчаса.

– Ничего удивительного. Ты, ОпИОН, огородник и парочка калькуляторов. Остальным там делать нечего.

Маска вжалась в сидение. Ладно архитектура, им нужно оценить ущерб и проверить здания, еще она могла понять присутствие на пожаре финансистов, но она здесь причем?! Неужели они думают, что глава отдела по изучению настроений сможет хоть как-то повлиять на обстановку? Ей же не обязательно во всем этом участвовать, будет достаточно проанализировать статистику, о которой и говорить рано!

– Эй, Счастье. Ты как себя чувствуешь? Какие-то проблемы?

Маска убрала руки от головы:

– Все нормально. Просто меня нервируют эти переключения.

– А, не говори. Меня тоже бесит.

– Согласна, мало приятного, но это вынужденная мера, ничего не поделать. Могу посперить, если бы подобное приходило в фоновом режиме, половина бы не замечала.

– Ну конечно, а тут как не заметить, когда все нахрен отрубается. И не врубается, пока не прочтешь. Я в прошлый раз проверила, хоть десять минут игнорируй, один фиг висит.

Как и для чего это было сделано Маска прекрасно понимала, и в другой день вообще бы не обратила на временное отключение систем внимание, но из-за перезагрузки заряд сразу просел аж на пять процентов, и теперь ей стало по-настоящему страшно.

– Я почему-то так и думал, что без ОпИОН не обойдется, – приветствовал ее появление в правительственном шаттле один из экономистов.

– А когда ж без него обходилось. Привет, Маска.

– Привет, – сказала она, усаживаясь в кресло. – Кто-нибудь в курсе происходящего?

– Взорвалась газораспределительная станция. Уже выявили ошибку проектирования. Не сразу сработали клапана на газопроводе. Часть складов, кон...

– Ну ты шустрая, Счастье! В чем была проблема подождать?!

– О, архитектура. Каким судьбами?

– Такими самыми! Уж вряд ли финсектор у нас разбирается в устойчивости оплавленных конструкций, – язвила она, падая в кресло рядом с Маской.

– Можешь отдыхать, у них там все деревянное и парочка бетонных складов, скорее всего под снос.

– Это мы еще посмотрим. Так и че? Какие новости? Все потушили?

– Пока нет. Я так понял, возникли некоторые трудности. Вы с ними, кстати, знакомы.

Архитекторша замотала головой:

– Огородник?

– Именно. Пламя перекинулось со складов на конюшню. По моей последней информации он не дает ее засыпать.

– Поня-я-ятно. Лошадок жалко.

Это «огородник» всегда резало Маске слух, но на этот раз казалось даже недостаточно оскорбительным. Неужели он готов лишиться места в Совете из-за каких-то лошадей? Еще два года назад стройдепартамент настаивал провести районе плантаций модернизацию, но он наложил на этот проект вето, когда еще имел на него право, потому что не хотел видеть на «своих сельскохозяйственных угодьях» постройки из огнеупорного пластика, а теперь сполна за это сумасбродство поплатится.

– Сколько нам лететь? – спросила Маска, когда шаттл набирал высоту.

– Три часа.

Соседка ткнула ее локтем:

– У тебя навигатор отключился что ли?

Маска проигнорировала вопрос и вывела на обзор настройки сна. Ей нужно поспать, ведь заседание в зале Совета и район ЧС совсем разные вещи. Если бы ее сразу об этом предупредили, она бы забежала домой заглотить горсть сэкономленных энергетиков, а не считала по дороге к станции каждый процент!

Таймер завис в углу обзора, Маска глубоко вдохнула и через секунду отключилась, но когда вновь открыла глаза едва могла поверить, что удалось вздремнуть хоть минуту. Заряд аккумулятора завис на сорока семи, она глянула на него лишь мельком и скрыла обратно вместе с датчиками здоровья, суматошное мигание которых только провоцировало головокружение и расходовало лишние крохи энергии на его же подавление.

– А я не поняла, мы куда летим-то? Чет уже вторую станцию проехали.

– Сразу к стене. Нам должны были расчистить площадку для посадки.

– О-о-о, боюсь, там сейчас один сплошной аэродром!

Экономист махнул ладошкой у лица:

– Все, с тушением вроде как закончили. Мы вовремя.

– Еще лучше. Не планирую задерживаться тут дольше, чем на сутки.

– Везет. Я раньше воскресного полудня домой не собирался. ОпИОН и вообще дня на два минимум, да?

– Не думаю, – тихо сказала Маска. – Что мне здесь делать так долго?

– Не знаю. Но ты же понимаешь, что ИС этого региона нам позарез?

– Понимаю. Завтра мы запустим опросы и будем разбираться с проблемой.

– Какие опросы? Людям поддержка нужна, участие, че они тебе в опросах скажут? «Все хреново, потому что вчера у нас был пожар»? Вряд ли тут кому-нибудь будет дело до сериалов, или я пропустила, и у вас какие-то новые методы?

Шаттл приземлился, и на этот раз Маска встала с места последней. Всю дорогу она старалась отгонять от себя мысли, что понятия не имеет, как ликвидировать последствия такой катастрофы всего за два месяца, но ее буквально ткнули в проблему носом, причем люди, которые вообще в этом ничего не понимают. Участие? Поддержка? Да Маски сейчас последние люди в Гиперборее, которые внушают доверие, неужели никто еще не заметил?!

Маска спустилась с трапа, вышла из под крыла шаттла и осмотрелась. Выжженная пустошь хорошо освещалась прожекторами с пятидесяти метровой пограничной стены и масштаб катастрофы в ее больной голове явно был сильно преувеличен.

Мимо сновали изможденные люди с ведрами, лопатами и фонариками, у остатков газовой станции уже всю трудились техники, экономистов встретил представитель местного управления и сразу предложил продолжить разговор «в более подходящей обстановке», и только она встряла на месте и не могла сообразить, что делать.

– Ну все, увидимся! Меня там уже заждались, – махнула ей Маска из архитектурного и напрямик через раскуроченные грядки направилась к складам, чьи бетонные стены, на первый взгляд, казались абсолютно невредимы.

Раскрыв на обзор последние данные о пожаре Маска быстро пробежалась по цифрам. Ни один человек не погиб, несколько пострадали и уже доставлены в больницу, до виднеющегося вдаль города огонь добраться и вовсе не смог – сплошь хорошие новости, но ее все равно одолевало уже осточертевшее за последний месяц чувство собственного ничтожества. Раз уж она здесь, нужно сделать хоть что-нибудь! Хотя бы поговорить с людьми, если они не станут разбегаться от нее во все стороны...

– Простите, – окликнула она группу работников, привлеченных для расчистки посадочной площадки. – Здравствуйте.

Компания притихла, и к ней навстречу вышел один из мужчин.

– Так, – он, не стесняясь, оценил ее с ног до головы и закинул лопату на плечо. – Красавица, проваливала бы ты отсюда, пока вся не уд....

Шаттл издал предупреждающий о взлете сигнал. Маска пригнулась, накидывая на голову плащ, и в следующий момент сильный поток горячего воздуха окатил всех собравшихся плотной волной пепла.

– Вообще охренели что ли?! – заорал мужик, прижимая ладонь к лицу. – Так и задохнуться можно! Гребаная тупая машина!

Кто-то одернул Маску за плечо:

– Эй? Нормально все?

– Да че ей будет, тож неубиваемые.

– Ну да... Теперь можно лопату в руки и в путь. Уже не страшно!

Маска распрямилась и стряхнула с плаща черную горку песка. Ничто в этом мире, включая программы шаттлов, не было готово к чрезвычайным ситуациям, но она бы сейчас с радостью присоединилась к проклинанию всего света за один свой почерневший костюм!

– Так и че? – строго уставился на нее старший. – Лопату дать?

Маска попятилась.

– Спасибо, конечно, но...

Мужик приснул и компания тут же содрогнулась от смеха.

Грязные, вымотанные, стоя на пепелище эти люди демонстрировали не поддающееся никакой логике поведение. Они просто шутили над ней и смеялись. Еще с минуту Маска молча переводила взгляд с одного на другого, и было пыталась списать это на шоковое состояние, как с ее губ тоже сорвалась усмешка. Местные каждый день живут опасаясь прорыва стены, поэтому пожар для них не кажется катастрофой, а ее смело можно считать самой напуганной.

И вот это правда было смешно, и Маске хотелось смеяться, но она не могла выдавить из себя и звука. Система стабилизации вшитая в медконтроллер маски ей этого не позволит, ведь смех провоцирует учащение пульса, что в ее изможденном состоянии считывается, как угроза здоровью.

– Ой все с тобой понятно, белоручка, – мужик махнул на нее рукой и забросил лопату обратно на плечо. – Ты тут по чью душу-то?

– По общественную, – проямлила Маска.

– О! Этот, как его... – защелкал пальцами парень в обугленных штанах. – Опикум!

– ОпИОН, придурок.

– Вот это честь, однако. Чем заслужили?

– Да как вам сказать, – Маска огляделась. – Пожаром. Что здесь росло?

– Чайная. Но дефицита не бойсь, не будет. И ценник не подлетит. Тут погорело то, фигня. Больше за лошадей перепугались. Но они тоже живы-здоровы, шеф успел всех вывести. Осталось только порошок убрать, пока в землю не просочилось. Просили вот не лезть... Сами бы потушили, так не же! Уделали всю землю своей химозой, как тут теперь че выращивать?

– Да ладно те ныть Михей, шеф давно ипподром хотел, вот и местечко нашлось.

Компания опять содрогнулась от смеха.

– Три ипподрома, обязательно. И ледовую арену! Да ну вас... Так, с тобой что? – глянул он на Маску. – Давай, пять-десять минут ждем, должен грузовой подъехать, захватит тебя до города. Здесь тебе точно нечего делать.

– Как скажете...

На первый взгляд, этот Михей был абсолютно прав, но ежедневник уже пополнился такой уймой заметок, что впору устраивать отделу филиал на этих плантациях. Общественные настроения в Варабисе тоже просели поддаваясь общей волне упадка, но приграничье всегда демонстрировало самую низкую статистику посещения Мемория, а значит счастье они находят где-то в этих полях, и ей бы тоже не мешало здесь в его поисках порыться.

Быть может, дело в агрономии? Направленная на созидание энергия всегда заряжает людей позитивом, это она знала наверняка, но у городских такой возможности практически нет, ведь в основном им приходится оперировать, а не создавать. Разрешить им устраивать огороды во дворах? Добавить палисадников? Крыши засадить?

Маска осмотрела свои измазанные руки и сразу осознала провальность этих идей. Города привыкли к чистоте, их приучали к ней не одно поколение, и вдруг возникшие повсюду черные пятна земли скорее всего будут только нервировать. И как бы оптимистично все не выглядело, она не сможет найти здесь ответы на кучу своих вопросов. У приграничья слишком много собственных только ему факторов, поэтому ОпИОН никогда не опирался на него в своей работе.

Варабис был очень не похож на центральные области. Здесь никогда и не думали строить белых домов или усыпать улицы мрамором. Приграничье было похоже на сказочную страну. С аккуратными каменными двухэтажными домиками, колодцами на каждом углу и гравийными улочками утопающими в зелени и цветах. Здесь жили счастливые люди, которые видят в Масках принцев и принцесс, а в единственном высотном здании департамента сказочный замок.

Конечно же здесь на крышах домов повсюду посверкивали солнечные батареи, ездили роботы погрузчики и белели пластиковые фонари, но в остальном они променяли технологическую мощь на устойчивость, выживаемость и психологическое благополучие. Варабис снабжал едой всю страну, и он целиком и полностью зависел только от людей. Случись завтра повсеместный энергетический кризис, Гиперборея останется сытой, ведь лопате не нужна подзарядка. И если однажды пограничная стена рухнет, этой же лопатой люди огородника смогут выдворить всех восвосяи.

Маска раскрыла на обзор интерфейс, готовая бронировать билеты на ближайший шаттл, как взгляд зацепился за оставшиеся шесть процентов заряда основного аккумулятора.

Как она умудрилась просадить сорок процентов всего за полчаса непринужденного разговора, смеха и пары вызовов ежедневника?! Маска раскрыла статистику расхода и чуть не взвыла от ужаса.

Все пять встроенных в маску фильтров все это время работали на максимум, сжирая практически по проценту в минуту. Она могла бы это предусмотреть, ведь здесь наверняка стоит невыносимая вонь, и виноват в ней не только угарный газ, но еще и метан. Концентрация не достигает опасных пределов и даже ежесекундно снижается, но для ее перегруженной маски и этого оказалось слишком много.

– Емае, Маска, ты как?

– Надышалась небось! Воняет ж, как в аду!

– Эй, а ну расступились! Дайте воздуха человеку!

Маска покачнулась и рухнула на колени. Руки утонули по локоть в земле, по телу прошла болезненная судорога, и интерфейс высветил нулевой заряд основного аккумулятора и активацию резервного блока, которого теперь не хватит и на отображение часов.

Глава 7

Прожектора на пограничной стене слились в тонкую блестящую молнию, будто грузовой мобиль несся по ухабам грядок со скоростью шаттла. В его кузове не было кресел, освещения и даже крыши, но окруженная мешками с отравленной землей Маска чувствовала себя до одури счастливой. Можно сказать, сегодня ее мечта сбылась, ведь мозговая активность еще долго будет поддерживаться резервным аккумулятором, но она почти не чувствует тела, из-за чего кажется себе лишь парящим в невесомости сознанием. Была бы еще возможность отключить суматошно мигающий на обзоре датчик, она бы точно проделывала подобные фокусы почаще.

Медик уже много раз предлагал внести правки в законы о Масках, чтобы разрешить врачам получать данные о их здоровье онлайн, но программисты срубили на корню эти голубые мечты. Все маски подключены к отдельным зашифрованным серверам, они могут видеть все, но их в целях безопасности не видит никто. В некотором смысле, последние полгода только это и спасало ее от врачебной экзекуции.

Мобиль подлетел, и Маска покачнулась, словно тряпичная кукла.

– Еп его... Можно там поаккуратнее?! – проорал Михей, все это время крепко придерживая Маску за плечи.

Она скользнула взглядом по грязным рукам, заменяющим ей ремни безопасности, и очень захотела улыбнуться. На вид Михею было лет восемьдесят, коренастый мужчина в расцвете сил, морщины едва тронули его лицо, на безымянном пальце сквозь черные комья земли проглядывалось обручальное серебро, а значит ему есть чем рисковать, но он все равно не побоялся.

В какой-то момент Маска думала, что стоит ей отключиться, как люди в страхе разбегутся, оставив ее подыхать в той куче пепла, но они еще видели в ней человека, на которого даже она старательно пыталась закрыть глаза.

Из-за обособленности Маски перестают напоминать людям себе подобных. Невзирая на прорези глаз, пару ног и рук, они кажутся им некоторым подобием «бездушных машин» на государственной службе. Для себя гиперборейцы не могут предсказать их поведение, не могут уповать на мораль или понимание, не могут доверять. У Масок нет имен, а ведь людям свойственно одушевлять все вокруг. Она иногда разговаривает с карандашом, как со старым другом, а они придумывают имена роботам. Маленький слетевший с катушек робот-уборщик Маске теперь виделся куда живее ее самой.

Как же его там звали?

Мобиль на секунду притормозил и опять с ревом ринулся вперед.

– Ну наконец-то! Тебя где носит?!

– Не ори! Что случилось?!

– Откуда я знаю! Она стояла, разговаривала, все нормально было! А потом отключилась!

Как... Как... Я не знаю. Как пылесос!

– Эй, живая там?!

Весь в грязи, рваных обносках и налипшими на маску волосами, огородник выглядел полностью в своем стиле. Даже будучи в форменной одежде он всегда казался неопрятным, будто брюки и рубашка были велики ему размера на три, хоть и отшивались точно по меркам.

И как получилось, что они настолько разные, когда должны являться продолжением друг друга, составляя целое? Маска никогда не понимала, почему огородника совсем не смущает быть посмешищем, а он вряд ли переживал по этому поводу хоть однажды.

Огородник опустил на колени, и его маска вспыхнула ярче. Ее было невозможно испачкать ни сажей, ни краской, поэтому она засветилась фонарем на весь кузов, уловив блики ее лица.

- Живая, пульс есть, – шепнул он. – Но слабовато. Азара! Сразу к станции!
- ...ня!
- И почему сразу птицу не вызвали? Грузовик? Seriously?!
- Дак а как мы по твоему должны были птицу вызывать?!
- Через экстренные службы!
- А... Ну запаниковали! Азара вовремя подъехал, вот и мы и это... Она же не умрет?!
- Не знаю.

Сейчас ее доставят к шаттлу, который отвезет ее в Долины, там с нее снимут маску, показатели здоровья в отчете повергнут в шок все отделение, и на Совете ей выкатят такой талмуд ограничений, что она не сможет выйти за порог своей квартиры в течение месяца. И этот наилучший исход лишь догадки, ведь похожих прецедентов в их практике еще никогда не было. Как и пожара.

Теперь Маска не сомневалась, что синий уровень тревоги объявили только из-за вероятного падения ИС и ИП, критичного для нынешней ситуации. Именно поэтому они были готовы загубить и землю, и лошадей, хоть в этом не было необходимости. Все силы были брошены на ликвидацию, Совет круто подстраховался, а ведь индексам эта встряска пойдет только на пользу. Когда гиперборейцы узнают, что никакой опасности прорыва нет, и тут сгорели только чайные кусты, неизбежно нагрянет волна счастья и облегчения. Можно сказать, им повезло, что газ рванул именно у стены...

Огородник сел рядом, скользнул рукой Маске за спину и вытащил ей на грудь почерневший хвост волос.

- *ОнИОН, значит*, – раздалось у Маски в голове.

Еще в Долинах им всем рекомендовали обесцвечивать волосы, и год по выпуску никто этой рекомендацией не пренебрегал, а теперь она осталась такой одна. И ей нравилось быть образцовой Маской поколения. В итоге она возвела себя в ранг единственной, кого волнует счастье для Гипербореи. Поэтому ведь отставка видится ей светопреставлением, и никакая тревога не может с ним сравниться?

Точно спятила.

Не зря на последнем Совете все были в шоке от ее доклада. Она буквально вопила им в лица о архизначимости своих и только своих проектов, и напрочь отказывалась внимать словам коллег. Теперь они и вообще могут решить, что она профнепригодна, ведь уже получили от нее такой максимум, на который вообще не рассчитывали.

Маска сцепила зубы и застонала.

А если из-за этого снимут ее вето с табака? Вдруг они решат, что она была не в себе на момент того собрания?!

- *Останови мобиль!*

– *Отлично*, – тут же донеслось ей в ответ. – *Значит, мозг еще работает. Ты меня слышишь?*

- *Слышу. И у меня просьба...*

Огородник взял ее руку за запястье, чуть приподнял и отпустил, позволяя безвольно упасть обратно на мешки.

– *Нет*, – отрезал он. – *Если ты здесь умрешь, это без разбирательств повесят на меня. Думаешь, мне мало проблем?*

Маска с трудом вдохнула. Он ее даже не выслушал, но наверняка и сам догадался, что сейчас в последнюю очередь ей бы хотелось очутиться в Долинах. Она еще может все исправить, дня два никто ее искать не будет, в крайнем случае каких-нибудь отчетов о работе с населением она наделает им за пять минут, а сама за это время сможет прийти в себя. Благодаря этому пожару у нее появился шанс перенести медобследование аж на неделю, до следующей субботы, а там она сможет стоять на ногах куда увереннее.

Да все они вернутся отсюда по нулям!

Волна возбуждения пронеслась по глубинам онемевшего тела раскаленным потоком.

– Мне нужно только зарядить маску, и я уйду!

– Очень смешно. А ты можешь гарантировать, что пока она будет заряжаться, ты не умрешь?

– Я не умру. Гарантирую.

– Нет. У тебя полная отключка, без маски перестанет функционировать мозг и исход непредсказуем, – говорил он, глядя перед собой.

– Пожалуйста... Помогите мне.

Огородник резко обернулся:

– Я сказал нет! – рявкнул он.

Михей заерзал.

– Шеф, ты че?

– Ни че, – отмахнулся он и откинулся обратно на кузов.

Маска собралась с силами и дернула рукой.

– Я очень тебя прошу... Ты же понимаешь, чем мне это грозит.

– Даже не представляю. Но если прибавить к этому твое крайнее выступление на Совете, диагноз быстро поставят.

– Вот именно. Но я в здравом уме. Ты же видишь!

– Я вижу, что ты в край ополоумела!

– А, – Михей кивнул. – Так вы разговариваете. Больше двух говорят вслух. Вообще-то!

– Отвали, Мих. У нее язык не шевелится. Маска села, у меня и то часа два назад ушла на резерв, а здесь, – он посмотрел на Маску, – без вариантов.

– Так и че проблема зарядить? Или твоя зарядка не подходит?

– Подходит. Только толку никакого, если она без нее слова сказать не может. Она же не пылесос! Ей нужно в больницу.

– Нет!

– Да!

– Во дела... Хорошо Яна не умеет мне в голову говорить, я б, наверное, свихнулся. Так и че она? В больницу не хочет?

– Не хочет.

– Так давай не поедem. Подумаешь, – Михей качнулся, утыкаясь Маске плечом в плечо. – Я, честно признаться, сам больницы не люблю. Только явишься зубы лечить, уйдешь с ящиком витаминов. Ты сам-то давно в больнице был?! Ей может поспать, зарядиться, поесть, жалко тебе что ли?

– Будет жалко, если она умрет у меня на ковре.

Михей засмеялся:

– Кого жалко? Ковер?!

– Я не останусь в долгу, – сказала Маска. – Если ты мне поможешь, я отдам тебе два года своих вето. Клянусь. В крайнем случае ты всегда можешь вынести разбирательство по моему вопросу на Совет, медик подтвердит каждое твое слово, я давно у них на учете.

Огородник поджал колени и замотал головой. Сделка для него наметилась очень выгодная, а если она умрет, его репутации все равно уже некуда падать. Что ему вообще толку от места в Совете, где он только скандалит со всеми подряд и игнорирует предписания?!

– Соврешь мне хоть раз, этот разговор будет окончен. Погрузим тебя в шаттл и разбирайся, как знаешь. Поняла? – сказал он.

– Поняла.

– Когда крайний раз ела?

– Не помню. Месяца два назад. Может три.

– *Энергетики?*

– *Три дня назад.*

– *И на чем ты вывозишь?*

– *Витамины, стандарт СБЖ, сплю иногда. Часа по три, может четыре.*

– *Какой расход заряда был по прилету? Помнишь?*

– *Примерно процент в минуту. Может чуть больше...*

Огородник похлопал себя ладошками по маске:

– Азара! Разворачивайся, к дому! – крикнул он в сторону водителя.

– О, – брякнул Михей. – Уговорила. Ай молодца!

Маска прикрыла глаза и почувствовала горячую каплю на щеке. Огороднику она будет обязана до самой смерти, но лучше уж так, чем она бы валялась в ногах врачей или Совета, умоляя не лишать ее маски.

Фактически, с разжалованием ее жизнь не заканчивается, правительство бы обеспечило ее жильем и работой, быть может, ей бы позволили остаться главой ОпИОН, но без маски она не видела смысла в своем существовании, и теперь отчаянно пыталась понять почему? До этого ей казалось, что дело в праве вето, оно позволяет напрямую влиять на жизнь страны, это власть, но она отказалась от нее аж на два года без сожалений, а у этого коннозаводчика ее нет вот уже третий год, но он все равно переживает за свое место, иначе согласился бы помочь ей без раздумий. И тогда зачем им это? Почему маска им дороже жизни?

Мобиль остановился.

– Тебе помочь?

Огородник встал и потер руки об штаны:

– Пандус опусти, с остальным я справлюсь. Тут веса, наверное, килограмм на тридцать...

– Лады, – Михей склонился к Маске и заглянул в прорези для глаз. – Принцессу завтра ждем на ужин! – прикрикнул он и глянул на начальника. – Она же слышит меня?

– *Слышит.*

– Слышит, принцесса... И когда тебя повысили? От пылесоса до принцессы!

– Ой, хватит, я не говорил, что она «пылесос»! Просто я сразу понял, что разрядилась! Давно у тебя хоть что-нибудь кроме пылесоса разряжалось?

– По-моему, у моего мастера участка сегодня разрядились мозги!

– Ну еще бы! – Михей захохотал. – С лопатой наперевес, это не верхом на коне!

Огородник поднял Маску на руках и чуть на завалился от чрезмерного усилия.

– Твою ж за ногу, – он аккуратно ее подбросил, придерживая откинувшуюся голову на локте. – Я и не думал, что такое возможно! Нахрен тебе тело вообще?

– *Понятия не имею... Это вынужденная мера.*

Огородник хмыкнул.

– А на шутки еще силы есть. Это хорошо.

Вообще, Маска не шутила, но внезапно тоже усмотрела в этом крупницы веселья. С какой-то стороны хорошо, что на месте огородника не оказался кто-нибудь из экономистов или медиков. Уж у них голова работает, быстро бы отправили ее в нужном направлении.

Они спустились на землю. Маска крутила глазами, насколько хватало сил, ожидая увидеть над головой тающую в ночи крышу станции, знакомый лифт, но спустя считанные секунды подъема по лестнице перед ними распахнулись двери какого-то дома.

– *Только не говори, что ты здесь живешь?* – сказала Маска, блуждая взглядом по просторному коридору, заваленному всяким хламом.

– Нет, конечно. Я здесь только сплю, ем и моюсь.

Огородник перекинул ее на другую руку, скинул ботинки и зажег свет.

Все Маски жили на станциях, на аренду другого жилья у них не было денег. В ее квартире глянцево-белые стены делили пространство всего одной комнаты, кухни и душевой, там не

было ничего кроме служебной одежды и одной белой коробочки с карандашом, а здесь на стенах красовались зеленые обои и картины. Наверное это жилье он выбил себе в процессе очередного скандала, на которые она уже пару лет не обращала внимания, но одно дело стены, а другое все это убранство. И откуда деньги на такую роскошь?

Маска успела насчитать аж четыре дверных проема, прежде чем они зашли в выложенную зеленой плиткой ванную комнату. Скромная душевая кабина здесь не была огорожена стеклом, на ее решетчатом поддоне стояли ведра и стеклянные банки, но зато в углу нашлась целая ванная, и только знакомая зеркальная панель подтверждала, что они по адресу. Или в приграничье у всех членов Совета дома вместо квартир?

Огородник усадил Маску в ванную, содрал со стены полотенце и подsunул ей под голову, а сам отошел к зеркалу и уставился.

– Теперь пришло время подумать...

– *Помоги мне разоблачиться. Можешь оставить здесь, в ванной, и через двенадцать часов меня уже не будет.*

– Я бы хотел, чтобы ты ушла отсюда на своих двоих, поэтому будь так добра, заткнись, и дай мне подумать!

– *Да о чем тут думать?*

Огородник откинул зеркальную панель, схватил экстралон и стукнул им себя по лбу. Его маска слетела с лица так легко, будто все это время держалась на одном носу, и сразу же отправилась на панель зарядки.

– Так то лучше, – хмуро бросил он. – Теперь можешь трепаться, сколько влезет.

Маска не могла поверить своим глазам. Ей ритуал снятия всегда виделся самым сокровенным действием в жизни, а он обесценил его всего за секунду. Все это время она успокаивала себя, что стоит ей снять маску, как она вырубится и придет в сознание только с ней же на лице. Ей было стыдно, неловко и она искренне радовалась, что этого момента почти не запомнит, а он просто... Просто снял ее и даже не дрогнул!

Огородник умылся, похлопал себя по щекам и задумчиво уставился в зеркало. Маска знала, что все они рождены идеальными, но никак не могла сопоставить это понятие с ним. Его нос казался слишком большим и горбатым, брови слишком густыми, щеки слишком румяными, скулы слишком широкими. Все в нем было каким-то слишком. Но, видимо, ему достались глубоко этнические гены какого-нибудь древнего степного народа. И оттуда же любовь к лошадям и земледелию.

– Придумал, – сказал он, откинул панель и вернул маску на лицо, так же непринужденно, как до этого снял.

Неужели она и правда какая-то чокнутая?

А вдруг, остальные носят маску, как часть рабочей экипировки и вообще не наделяют ее эфемерными смыслами? Вдруг находят где-то деньги и живут обычную человеческую жизнь, пока она всеми силами пытается от нее отречься?

Теперь Маска искренне жалела, что проявляла слишком живой интерес к Хасселу и его исследованиям о переносе сознания, к робототехнике и протезированию, что в случае разбирательства накинёт ей пару пунктов к нездорово-навязчивым идеям. Она по-прежнему не понимала, что плохого – жить ради своей страны, но упускала из этого уравнения что-то важное. Формально, членам Совета никогда и ничего не запрещали, они только не могли выйти из дома без маски, но дверь бы не открылась, попробуй она выйти без нее, а в остальном...

– Эй. Ты там живая?

Огородник все это время стоял, подперев раковину и кивал сам себе. Ее вето ему очень пригодится, ведь своим он готов был разбрасываться без раздумий, из-за чего однажды и лишился.

– *Живая...*

– У нас есть полчаса, я предлагаю не терять время и помыться. Не против? – затараторил он, скидывая на пол свою почерневшую одежду. – Тебе в любом случае надо постирать форму.

У Маски перехватило дыхание.

– *Зачем?*

– Затем, что тебя в таком виде ни в один шаттл не пустят. Или будешь ждать служебный? Здесь? За порог ванной тогда точно не выйдешь, пока все это с себя не смоешь, – он подошел ближе, схватил ее за волосы и задрал их к глазам. – У тебя аж хвост почернел! Через полчаса принесут капельницу, к тому моменту ты должна быть чище росы. Не хватало инфекцию занести.

– *Какую капельницу?*

– Твой любимый коктейль и немного энергетиков. Я боюсь, после снятия маски ни одной таблетки мы в тебя не впихнем.

И почему она сама до этого не додумалась? Капельница не сможет поставить ее на ноги, но как страховка будет очень кстати. И почему ей требуемые медикаменты доставляют аж за полдня, а на приграничные огороды за полчаса?!

– *Ты же понимаешь, что я не смогу сама помыться?* – сказала Маска.

– Понимаю. Поэтому у меня для тебя есть два варианта. Я сейчас снимаю это, – он постучал себя по маске. – И делаю, как считаю нужным, не отвлекаясь на твои возражения.

– *Второй?*

– Второй, мы оставляем связь, и я делаю, как считаю нужным, не отвлекаясь на твои возражения.

Огородник вернулся к зеркалу, взял в руки эктралон и посмотрел на Маску.

– *Второй.*

Эктралон отправился обратно на стену.

– Кто бы мне когда сказал, – ворчал огородник, возвращаясь к ванной. – Охренеть! Я понимаю, что тебе это тоже не нравится, но другого выхода у нас нет. Да? Давай, снимаем плащ. И где ты так замаралась?

– *На твоих огородах...*

Плащ отлетел в угол.

– О да. У нас там не ваши парки, – говорил он, быстро расстегивая кнопки на блузке. – Ты знаешь что... Давай-ка лучше не молчи. А то я чувствую себя каким-то... Садистом.

– *Не думай об этом. Ты меня очень выручаешь,* – сказала Маска.

– Отлично. Именно это я всегда мечтал услышать, раздевая женщину.

Шершавые руки заскользили по спине, и Маске эти неуклюжие скитания по ее телу очень не нравились. Все это время ей казалось, что она себя вообще не чувствует, но теперь аккумулятор будто нашел в себе десяток другой процентов и активировал осязание на всю мощь.

– Спереди застежка...

Огородник откинул ее обратно на ванную.

– Как хорошо, что я родился мужиком. Кого бы поблагодарить... Все. Теперь давай, брюки. Придется немного съехать.

Никто, кроме Нины, еще не видел Маску голой, и сейчас она всеми силами старалась отвлечь себя от происходящего хорошими новостями. Например, ее несомненно радовал тот серьезный подход, который демонстрировал самый легкомысленный Маска из всего поколения.

– *Что?* – спохватилась Маска, когда огородник замер над ванной, сложив руки на груди.

– Ты вообще в курсе, что уже сливаешься с белизной? У тебя кровь-то есть? Мне страшно тебе что-нибудь сломать. Ты, блин, почти прозрачная! Есть-то надо иногда?!

– *Надо. Просто... Так получилось.*

Огородник сел на колени, закрыл сливное отверстие и включил воду.

– Получилось так получилось. Не горячо? У меня такое чувство, что ты сейчас растаешь здесь, как сосулька! Кстати об этом...

Он отошел к зеркалу, зарылся в ящики у его основания и вернулся к ванной с уже знакомым тюбиком обесцвечивающего шампуня, который по запросу присылали всем Маскам.

Бесплатно.

И тогда получается, если в Совете волосы только у нее остаются белыми, значит, у всех остальных есть деньги на другой шампунь?

– *Быть не может...*

– Вообще не говори. Я все думал, нахрен он мне нужен, но выкинуть рука так и не поднялась. Как знал!

Глава 8

Тепло разливалось по телу так стремительно, что через пару минут после подключения капельницы сознание Маски уже стремительно возвращалось в свою немощную оболочку. Она сидела закутанная в халат, одеяло и плед, с выставленной наружу правой рукой, привязанной к шлангу, и блуждала глазами по комнате, продолжая убеждать себя, что это просто сон.

Долгие минуты она пересчитывала птиц, розовые лучи и зверей на ковре, где одни оранжевые лисицы должно быть стоили целое состояние. Еще по два раза она пересчитала кружки на полках, маленькие сверкающие склянки, статуэтки и книги, и никак не могла перестать задаваться вопросом: где же он берет на все это деньги? Вдруг, она тоже захочет себе ванную. Товарные запросы Маска отправляла в автоматическом режиме каждый месяц, но их служба снабжения не доставляет ванны. И также диваны, проекторы, столы и стулья, картины и обои, чайные наборы и еще кучу всего, что умещалось в одной этой комнате и никогда бы не влезло в ее квартиру.

Одна из стен завешана музыкальными инструментами, названия доброй половины которых Маска даже не знала, а на почетном месте в центре стояла черная виолончель. Наверняка этому аграрнику в таланты досталась музыка. Еще в Долинах музыканты часто объединялись и устраивали концерты, и теперь Маска отчаянно пыталась вспомнить того маленького взбалмошного виолончелиста, но на импровизированной сцене в столовой все они уже выглядели абсолютно одинаково.

Маска любила музыку, но не слушала ее уже очень давно. Еще она любила фильмы о приключениях, но теперь изучала их только чтобы соотносить с настроениями в отзывах. Любила шоколад, инженерию, рисовать и сидеть в тени деревьев с книгой Хассена в руках, но любила все это в какой-то другой жизни. Той, которую оставила в Долинах. И ведь она всегда думала, что все ее там оставили.

Индексы появились спустя год после выпуска, и окрыленная успехом она перестала обращать внимание на что-либо, кроме работы. Ее наставник говорил, что любая работа начинается «Отсюда!», и тыкал ей пальцем в грудь. Он никогда не ставил голову в приоритет, учил ее пользоваться чувствами и ощущениями, которые вкупе со статистикой и точным анализом могут многое дать. Но она в итоге так ничему и не научилась.

– Ну как тут наши дела?

Маска перевела взгляд от ковра к проходу в зал. Огородник стоял в одном повязанном на пояс полотенце и шурудил руками в волосах, свою маску он оставил на зарядке, и теперь вздымая брови тарасился на нее в ожидании ответа вслух.

– Зачем тебе столько кружек? – сипло спросила Маска, медленно оборачиваясь в сторону заставленного серванта.

– Отлично дела, я понял, – он кивнул и рухнул рядом на диван. – Это подарки. Я коллекционирую.

– Кружки?

– Ну да. А что?

– Это странно.

– Почему? Кружки и тарелки, это глина и пальцы. Все их сделали мои друзья. Когда ешь или пьешь из такой посуды, даже в одиночестве, остается ощущение их присутствия. Я, как ты понимаешь, не очень люблю есть один. Ты, видимо, тоже, – он усмехнулся. – Поэтому и не ешь ни черта.

– Возможно...

– Мы очень спешим? Время пять утра, у меня завтра вагон работы, и в общем...

– Пусть заряжается сколько нужно. Капельницы еще на час, я могу поспать и встать на зарядку, когда ты уйдешь. Только оставь дверцу открытой.

– Я боюсь, ты без меня с дивана-то не встанешь. Не то что на зарядку.

Скорее всего он прав, но надежда на волшебное исцеление все равно останется с Маской до самого дома. И давно она верит в сказки? С того момента, как ее назвали «принцесса»?

– Спасибо за это. За все, – запоздало сказала Маска то, что следовало повторять уже в сотый раз. – Ты не представляешь, как много для меня сделал.

– Если бы я не представлял, я бы ничего для тебя не сделал. Неужели ты думаешь, я не понимаю, как и зачем ты довела себя до такого состояния?

– Очень интересно, – шепнула Маска. – Я еще не до конца понимаю.

– М. Если хочешь, могу тебе объяснить. Я прошел через это года два назад.

– Чуть не умер от голода, после чего и начал коллекционировать кружки?

– Именно.

– Тогда давай, может и я начну. Хотя в мою квартиру такая коллекция не влезет.

– Тогда ты можешь коллекционировать ложки.

– Чтобы избавиться себя от одиночества во время еды?

– Нет. Чтобы избавиться себя от страха одиночества по жизни. Ты так себя загоняешь и работаешь сутками, только для того, чтобы не оставаться наедине с собой, разве это не очевидно главе отдела по изучению общественных настроений?

Маска вновь опустила глаза на ковер. Это было очевидно всем вокруг, но только не ей. Они рождены одинокими, и избавляются от этого одиночества только путем служения своей стране, этот факт она давно усвоила, но всегда считала это одиночество даром. Им не нужно терзать себя вопросами создания семьи, воспитания детей, заработка денег и заниматься поиском себя, ведь все они с рождения знают прописанные в медкарте таланты и склонности. Но Маска никогда не считала себя одинокой. Быть может, потому что и правда не оставляла себе на это одиночество времени?

– Сыграешь?

– Еще чего. Может еще спеть?

– Было бы не плохо.

– Наберешь килограмм пятнадцать, приглашу на концерт. Отличная мотивация, кстати, не находишь?

Маска обернулась на огородника, перебирая в голове доводы в свое худое оправдание, но уперлась взглядом в блестящие глаза и поджатые в улыбке губы, и сразу все их растеряла. Он шутит. А она стала такой чопорной, что понимает шутки одну через три.

– Договорились, – промямила Маска.

– Ого. Вот это напор. Тогда я начну репетировать прямо завтра.

Огородник по-прежнему казался ей не идеальным, но он, в точности как его ковер, лишь слишком яркий для Гипербореи. Его крепкое тело бронзовело на фоне бледно желтого дивана, будто скульптура, мокрые волосы отдавали рыжиной в свете ламп, и еще у него были зеленые глаза. Слишком зеленые. На ее взгляд он совсем не подходил на роль Маски. Слишком упрямый и своенравный, и совсем не сдержанный...

– Как жеребец, – кивнула на него Маска.

Огородник прыснул.

– Чего?

– Ты похож на жеребца. На лошадь. Тебе ведь нравятся лошади?

– Нравятся, – он откинулся на спинку, запрокинул голову и уставился в потолок. – Но тогда уж не жеребец, а мерин.

– И в чем разница?

– Мерин, это кастрированный жеребец.

Маска вцепилась в одеяло, ее щеки надулись так стремительно, что она не успела собраться с мыслями, как не выдержала и засмеялась. Тело сводило от напряжения, щеки чесались от слез, она несколько раз порывалась захлопнуть себе рот, но из раза в раз натываясь руками на холодный пластик смеялась только сильнее. В какой-то момент она боялась умереть от смеха, ведь с нулевым зарядом батареи ее маска вполне может это допустить.

– Хватит! – выпалила она и снова зашлась смехом.

И когда она крайний раз так смеялась? Весь последний год Маска практически непрерывно находилась на грани, из-за чего стабилизатор пресекал любые предпосылки к аритмии, в том числе и смех.

– А как... – цедила Маска, справляясь с одышкой. – А как называется стерилизованная лошадь?

– Вот это я понимаю беседа, – посмеиваясь, и вытирая слезы сказал он. – Кобыла есть кобыла, их не стерилизуют. Жеребцы бывают буйными и их нужно умирять, иногда они просто не годятся для воспроизводства потомства, но я тот еще гордый обрубок, и не сомневайся.

На самом деле Масок не кастрировали, но в двадцать лет все они прошли процедуру вазэктомии и стерилизации, сразу как пополнили генетическую базу Долин. Возможно, их чистейшие гены передадутся следующему поколению, а отсутствие у них репродуктивной функции при жизни просто избавляло их от соблазнов.

– Обрубок?

– Гордый обрубок. Так называют меринов, которые после кастрации не утратили повадок жеребца.

Маска снова засмеялась. Ее кошмар так скоро переходил в сладкий сон, что ей едва верилось в происходящее. И почему все это время он казался ей ненормальным? Потому что другой? Потому что она всех судит по себе, а себя считает идеальной? Но это ведь совсем не так. Она далеко не идеальна, лишь отъявленная лицемерка с непомерным самомнением, и даже этого не скрывает.

– Эй, подъем.

Маска открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Огородник уже оделся, нацепил свое белоснежное лицо, и отключал от нее капельницу.

– Сколько?

– Восемь. Проспали все на свете, – так же тихо отвечал он, стаскивая с нее луковичку одеяла. – Давай, маску снимем, поешь и будешь спать дальше.

Маска уснула укутанная в позе эмбриона, из-за чего теперь никак не могла понять, отключилось ее тело снова или просто онемело за эти четыре часа. По крайней мере язык у нее шевелится.

– Готова? – огородник подsunул руки ей под ноги и присел.

– Готова...

Маска зажмурилась, глубоко вдохнула и в следующий момент подлетела, но на этот раз ощущения невесомости не было и близко.

В груди застрекотало, будто заржавевшие шестерени никак не могли попасть в пазы. Маска ощущала себя привязанной к гире. Никто не касался ее уже пять лет. И дело было не в том, что ей это не нравилось, а в том что ей было жизненно необходимо забыть, каково это.

Они прошли в ванную и попробовали поставить Маску на ноги, но она не могла удержать экстралон в руках, что уж говорить о себе, поэтому на этот раз у нее не было и двух вариантов.

– Лоб, нос, подбородок, правая щека, левая и три раза по кругу, – выдала она на одном дыхании.

– Чего-чего? Шутишь?

– Нет. Лоб, нос, подбородок, правая щека, левая и три раза по кругу.

– А я могу узнать, как ты планировала снимать ее сама?

– Давай! Долго мы еще будем тут стоять?

– О, кажется я понял, что происходит.

Огородник прижал колено к стене и усадил на него Маску, как на стул.

– Что еще? – шепнула она.

– Ничего. Я так понимаю, это очень ответственный шаг, я же должен подготовиться? – наигранно возмущился он.

– Издеваешься?

– Нет, давай ты все-таки соберешься и прочувствуешь момент? Будет, что вспомнить, когда однажды снова не захочешь ее снимать.

– Я не думаю, что когда-нибудь об этом забуду...

– Ну ладно... Лоб, подбородок...

– Лоб, нос, подбородок.

– Точно-точно. Правая щека, левая... И три раза по кругу.

С глухим щелчком датчики отслоились, и Маска впервые на своей памяти приветствовала этот момент вздохом облегчения. Еще вчера она быстрее бы прошла по площади у Мемория голой, чем позволила кому-нибудь это увидеть, а уж тем более поучаствовать, но сегодня сочла эту пытку очень полезной для своего воспламененного рассудка. Он прав, ей нужно вспоминать об этом почаще, только чтобы никогда в своей жизни больше не повторять.

А еще мигающий датчик резервного заряда ее конкретно достал...

Огородник прислонил Маску спиной к стене и хмыкнул:

– Почему-то я думал, что у тебя даже брови и ресницы белые. А ты, оказывается, брюнетка. Неужели шампунь только голову обесцвечивает?

– Очевидно, я им не умываюсь, – сказала Маска сквозь зубы.

– Класс. Это правильно.

– Может, хватит меня разглядывать?

– Почему?

Почему? Потому что это неприятно. Потому что она не хочет растягивать этот момент, и предпочтет завтра же о нем забыть. Потому что из последних сил держится, чтобы не расплакаться сейчас от ужаса и стыда. И потому что ни одно из этих «потому что» его устроит. Потому что...

– ...ты идиот.

– О, это не новости.

Огородник аккуратно взял Маску на руки, и она тут же закашлялась.

– Эй, нормально все?

– Нормально...

Маска сжалась. Она чувствовала на себе каждый палец огородника, лбом ощущала поток воздуха от работы дыхательных фильтров его маски, а его приторный тяжелый запах просачивался в ноздри и казался почти осязаем. Нестерпимо Маске вновь захотелось отключиться. Заблокировать хотя бы половину присущих здоровому человеку чувств, и она так хотела ослепнуть, что даже не заметила, как они вышли на террасу.

– Ст-стой! Куда?

– Кого-куда? Свежий воздух пробуждает аппетит. Нет?

Маска уткнулась огороднику лбом в шею и заскулила. Ей нельзя на улицу с голым лицом, за это могут разжаловать моментально!

– Успокойся! – огородник качнул ее и дернул головой. – Терраса такая же часть этого дома, как спальня или душ! Да и тут в районе пятидесяти километров нет ни души!

Маска подавила сиплый выдох и схватилась за ручки кресла, куда ее силой усадили. Ей было страшно поднять глаза от стола. Уже двадцать лет она не чувствовала на своем лице солнца и ветра, не вдыхала свежего воздуха без фильтров, и не видела такого простора без

прорезей маски. Внутри все переворачивалось от ужаса, зубы закрипели, а ноги так дрожали, что звенели разложенные на столе приборы. Подумать только... Она готова отключиться от страха лишь из-за солнечных лучей на своем лице!

– Я, кажется, понял. Извини, не подумал, пошли обратно. Как-нибудь в другой раз...

– Стой! Все нормально...

– Тогда, – огородник привстал со своего кресла, взял ее за подбородок и силой задрал голову, – хоть вокруг посмотри!

Вдох встал поперек горла, Маска прикусила язык и сощурилась. Когда она смотрит на город со своего сто десятого этажа, она видит дома, людей и тени взлетающих шаттлов. Она видит жизнь, ради которой существует, а здесь кроме пограничной стены, зеленого горизонта и голубеющего неба было только одиночество.

И не удивительно...

Их мир огромен, пусть у него и есть границы, но они п-прежнему остаются в нем лишь людьми. Весь последний год она только и делает, что отрицает свою человечность, а сама в это время не прекращая боится. Боится стать ненужной этому миру, который, в общем-то, с легкостью сможет от нее отказаться.

Маска подняла глаза на небо и усмехнулась. Когда ее не станет, солнце будет все еще светить, и это дико ее бесило. Обыкновенная ревность. У нее не было ничего, кроме Гипербореи, а для нее она и правда не важнее одуванчика.

– Что? Нравится?

Маска опустила голову и улыбнулась, глядя в черные прорези глаз напротив:

– Отвратительно, – с усмешкой сказала она.

– Вот-вот, и я о том же.

– Почему ты не живешь на станции?

– Я пытался. Первый год, может, полтора... Но там не открываются окна, ты знала? А я и в урне не видел свою жизнь без свежего воздуха. Да и тут не так уж и плохо, привыкаешь.

Маска скользнула взглядом вдоль холмов. Для нее тут и правда ничего не было, а для него ветер играет на солнечных струнах, а плодовые деревья ему подпевают. Пора бы ей наконец-то усвоить, что эта жизнь не хорошая и не плохая, она другая, как и этот чокнутый любитель лошадей. Не хороший и не плохой.

– Что там сиреневое? Озеро?

– Почти. Лавандовые поля.

– А там, значит, твой будущий ипподром? – указала она носом на виднеющийся вдали кусок стены с черным пятном.

– Если бы. Нам теперь позарез нужна земля под новые склады и погреба. Вот и нашлась.

Маска кивнула. Удивительно, что в свое время идея легализации алкоголя пришла не ему. Не хотел нагружать себя лишней работой?

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Я думаю, что это хорошие деньги. На помидорах бы мы столько не заработали. Это и акцизы, и лицензии, и еще куча денег из воздуха. Не говоря уже, что там, – указал он рукой на стену, – все это будет уходить с молотка втридорога.

Маска медленно перевела взгляд на огородника:

– В каком смысле «там»?

– Экспорт. Только я тебе об этом не говорил, если что... Проект еще в стадии зачатка. И только вякни кому-нибудь!

– Они хотят открыть границу...

– Ну да. А откуда мы по твоему возьмем деньги будучи в изоляции? Или ОпИОН решил, что экономисты хотят спойть нацию из-за каких-нибудь индексов?

Глава 9

Маска укуталась в одеяло и села на диван, пристроив рядом пюпитр, оставленный ей в качестве трости. Чуда не произошло, уверенно стоять на своих ногах по-прежнему не получалось, но она была в состоянии налить себе воды и после приема энергетиков смогла доковылять до остальных комнат. Он сказал "чувствуй себя как дома", но если бы и попросил не выходить из зала, она бы все равно обшарила тут каждый угол.

В доме кроме кухни, ванной комнаты и залы была просторная спальня, лаборатория с какими-то саженцами и подвал, спуститься в который она так и не отважилась. Пройдя по дому третий круг Маска уже искренне не понимала, как можно чувствовать себя одиноким, когда у тебя есть целое бронзовое войско, деревянные пазлы, и столько музыкальных инструментов, что у всего города музыкантов на них не хватит. И чем дольше она смотрела по сторонам, тем приятнее глазу становились подушки с кисточками и вездесущие ковры, которые сначала казались ей лишь хламом.

Ее квартира повергла бы огородника в ужас. Для осознания их разности достаточно было открыть шкаф, где его три комплекта белой служебной одежды занимали едва четверть гардероба. Вряд ли, конечно, все Маски живут так богато, но у них есть деньги хотя бы на шампунь, а она в своей жизни не видела и единицы на своем банковском счету. У нее и счета-то нет.

Аккумулятор уже зарядился почти на половину, этого было достаточно, чтобы добраться до дома в сознании, но Маска продолжала разглядывать стеллажи, ела яблоки на террасе, спала и боялась к экстралону даже прикоснуться. Впервые за долгое время ей выдался шанс подумать, не отвлекаясь на интерфейс, но она едва могла справиться с мыслями. А подумать было о чем, ведь теперь аскетичность ее жизни напрямую влияла на работу, и дело не только в здоровье. В погоне за эвдемонией она настолько оторвалась от мирского, что ей приходится объяснять очевидные вещи.

В страшных снах Маска видела открытие границ Гипербореи, но как и все, прекрасно знала, что рано или поздно это произойдет. Предпосылки начались уже пятьдесят лет назад, когда первым экспортным продуктом стали технологии Мемория. И вряд ли ее предшественник этому препятствовал, ведь в первую очередь это давало ОпИОН кучу новых данных для изучения. После этого ежегодно их правительство проводило единоразовые сделки, будь то технологии или формулы лекарств, ведь регулярный приток денег любой стране будет не лишним. У Гипербореи было достаточно ресурсов для поддержания жизни на приемлемом уровне, но этот "приемлемый" уровень скоро перестанет всех устраивать.

Теперь легализация алкоголя казалась Маске скорее вынужденной мерой, ведь никто не смог бы объяснить людям, почему в масштабах страны можно производить шампанское, а им нельзя его пить. Она бы точно не смогла. Остается радоваться, что когда границы окончательно рухнут, а в новостях начнут освещать очередное пресечение наркотрафика, она будет уже мертва.

Маска и правда рассматривала Гиперборею, как свой подопытный полигон, ведь безграничный мир ни капли ей не прельщал. Нет никакого смысла изучать поведение мышей, опираясь на поведение слонов, поэтому они и вычеркивают Варабис из всех своих аналитических сводок, и поэтому ее полностью устраивают ныне закрытые, можно сказать, лабораторные условия ее страны.

Входная дверь щелкнула. Маска опустила ноги на пол и замерла. Он ее подзарядиться пустил, а она тут поселилась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.